

РАССВЕТ

максим антонов и кристина артюшина

Максим Антонов
Кристина Артюшкина
Рассвет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36628057

SelfPub; 2025

Аннотация

Любовь может быть тише шороха травы.

В деревне, где всё кажется знакомым – запах сенокоса, книги на закате, брат рядом, – Кристина впервые сталкивается с тем, что невозможно назвать. Это чувство хрупкое, как роса, и тёмное, как овраг за огородом. Когда страх и любовь приходят вместе – что выберешь ты?

Максим Антонов, Кристина Артюшкина Рассвет

Книга

I

Кристина

«Все началось на рассвете»

Посвящено тебе, моя первая любовь

Пролог

Снова я танцую одна на раскаленных углях, напеваю песню войны, которую проиграла, и таю в воспоминаниях его серых глаз. Да и что это за магия, неспособная даже куколку превратить в бабочку, да и, сделав это, оставляет лишь разбитые крылья на обломках старого мира. Тьма, окутавшая меня после нашей встречи, гудит во мне, отзываясь в моей пустой голове.

Я пытаюсь подняться, но не могу, потому что у меня нет ног. Они прошли много дорог и остановились у стены. Стены, которую мне не пробить. Пробиться можно через что угодно! Но не через себя. Я тщетно буду ударяться об эту стену, слыша за ней свое слабое эхо. Эхо своего смеха и его голоса в раскатах грома.

Ничего не оставив позади себя, я смотрю на белый обломок луны и, затаив дыхание, жду. А ждать мне нечего, потому что моря у погоды не ждут, а я жду именно его. Море чувств, море тепла и безмятежности. А что он? Он всего лишь сон в летнюю ночь, слишком теплый и мягкий, чтобы быть реальностью. Реальность холодна и тверда.

Что за магия заставила нас соединиться, чтобы снова разлететься, как одинаковые полюса магнита? Мне не страшно быть одной. Мне не страшно продолжить искать свой полюс, но именно этим он и остается во мне, потому что он – мой полюс. Мы притягиваемся и отталкиваемся, такова наша жизнь. Жизнь в колебаниях и волнах. Жизнь в поиске. Жизнь в нас.

Когда этот день закончится и настанет завтра, я широко открою глаза и утону в свете, потому что тьма теперь не во мне. Я буду в свете, и пусть он захлебнется в моем сиянии. Таком ярком и бесконечном, чтобы дотянуться до меня.

Глава 1

Рассвет. Начало

Я проснулась в холодном поту, глаза бешено метались по комнате. Я приподнялась, чтобы оглядеться по сторонам, но всё так же, как и было вчера: небольшой деревянный стол, широкое зеркало, висящее на стене над комодом, сервант, забитый разнообразными игрушками из моего детства, большой старый шкаф, ковер советских времен и окно, уходящее в бесконечность, – моя комната в деревне у бабушки. Около

стола на стульчике небрежно накиданы вещи. Все как обычно, без изменений.

– Фуф! – с облегчением выдохнула я и плюхнулась на подушку.

Мне снился вроде бы обычный, ничем не приметный сон, но внутри почему-то все съежилось.

Я мчалась по предраассветному лугу. Роса покрыла ноги, горло ужасно болело, а тело казалось вот-вот рухнет. Сдамся – потеряю все. Я не понимала, почему бегу. Я оглядывалась, но кроме дома бабушки, который отдалялся от меня, ничего не видела. Далеко на востоке вставало солнце. Не знаю почему, но я боялась его. Боялась, будто его лучи могли сжечь меня. Я пыталась бежать быстрее, чтобы добежать до темного, все еще окутанного сумраком, леса. Он и есть мое спасение. Но алые полосы света беспощадно вторгались в ночные владения, лишая меня спасения. Несмотря на солнце, ноги все еще несли меня, но в одно мгновение я начала вязнуть. Все мои попытки заставить свое тело двигаться были бесполезны. В голове что-то твердило, что все потеряно, я потеряла свое спасение, упустила свой шанс. Сил уже не было, я упала на траву и проснулась.

Что это могло значить? Почему все внутри меня буквально дрожало от страха? Не знаю. Моя бабушка, у которой я сейчас провожу летние каникулы, говорит, что каждый сон имеет свой смысл. Какой смысл у этого? Мне грозит урок физкультуры посреди летних каникул? Дистанция километр,

а то и больше? Вряд ли.

Кстати, сколько сейчас времени?

Собрав силы, я приподнялась и села на край кровати. В висках гудело. Не стоит так резко вставать. Я хлопнула ладонью по лбу и помассировала его части в надежде унять боль. Надеюсь, от удара мозг хорошенько встряхнётся и начнет по-человечески работать. Собрав силы в кулак и отогнав все ленивые мысли лечь обратно в постель, я подошла к комоду и взяла свой телефон. На ночь я поставила его на зарядку. В последнее время он ведет себя очень странно – быстро разряжается, видимо, бессонные ночи в наушниках сказались и на нем.

"04:05, 22 июня 2014, воскресенье.

Будильник 1 выставлен на 4:10.

Будильник 2 "Рассвет" выставлен на 4:44 ". Не стану дожидаться будильника, встану сейчас.

Почти каждое летнее утро я и мой троюродный брат Максим встречаемся у моего дома и идем гулять по пробуждающимся ото сна холмам и оврагам. Эту традицию мы придумали несколько лет назад и до сих пор её поддерживаем. Иногда мы просто гуляем, иногда специально берем с собой фотоаппараты, чтобы запечатлеть начало нового дня, а бывали времена, когда увлечённые здоровым образом жизни, мы пускались в бег.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить дедушку с бабушкой, я на цыпочках прокралась на кухню. Тихо и без

лишнего шума приготовила себе парочку бутербродов с сыром и травяной чай. Моя бабушка была ярким фанатом всего натурального, да и чего ожидать от людей, которые всю свою сознательную жизнь проводят в огороде?! Листья сушеной мяты и мелиссы размякли в горячей воде и неуверенно опустились на дно чашки.

На улице было еще темно, но на востоке уже загорелась новая жизнь. Окна кухни выходили как раз на восток, потому что бабушка очень любит смотреть, как встает солнце. Быть может, это передалось от нее мне? Зимой, когда солнце встает позже, чем летом, и скользит по снежным холмам, заставляя снег искриться, я люблю сидеть в теплом свитере и в шерстяных носках, вдыхая аромат бабушкиной стряпни, которая мало кого оставит равнодушным.

Пришло время выходить, вот-вот должен прийти Макс. Максим частенько опаздывает, но припиши ему хоть одно опоздание, он придумает сто и одно оправдание, а иногда и вовсе вспомнит все мои "промахи".

Мой троюродный брат старше меня на 2 года – ему восемнадцать лет. Макс высокого роста, худощавого телосложения. Сам по себе он был человеком пассивным, но труд любил, и этой его чертой частенько пользуются мои бабушка и дедушка. Макс называет себя "эльфийской породой", шутливо намекая таким образом на своё телосложение и торча-

щие уши. Но недостаток кубиков пресса и бицепсов окупаются широким видением мира, умом и добрыми карими глазами. Хотя иногда в этих наивно-добрых глазах бегают бесята, готовые вздернуть тебя за что-нибудь или натворить какую-нибудь гадость.

Тихо, стараясь не скрипеть половицами, я вышла в сени и надела старый дедушкин свитер. Я любила этот свитер, любила укутываться в него, когда на улице было холодно, и старалась не упускать момент, чтобы снова его надеть, как, например, сейчас. Этакое маленькое счастье.

Улица встретила меня утренней прохладой и легкой, опускающейся на траву, дымкой. На востоке за высокими иоковскими холмами, за глубокой расщелиной, пролегающей по всей территории иоковской долины, краснело небо. Солнца еще не было, но его тепло чувствовалось повсюду.

Дом бабушки и дедушки находился на самом краю деревни. Летом наша улица расцветает. Она приобретает характерные только ей запахи и краски, наполняя атмосферу уютом и летним теплом. Высокие тополя и березки сбрасывают почти годовой слой пыли и сухости и подобно человеку начинают радоваться летнему солнышку и голубому небу. Дома начинают оживать вместе с их жителями, а ночь, которую в таких деревушках, как Иоково, принято называть безлюдной, становится самой живой, ибо скамейки и разговоры сближают самых недружелюбных соседей. Но зимой это ме-

сто меняется, если вы хотите провести в полном уединение всю зиму, то вам нужно срочно перебираться в Иоково. Бураны частенько задувают наш маленький домик, превращая его в снежных холм. И если в самой деревне, ниже нас, тракторы очищают дорогу для деревенских машин и жителей, то к нам он заезжает редко, а после января вообще забывает о существовании дальней улицы.

Я подошла к саду напротив нашего дома и опустилась на скамейку под тополями рядом с телегой для лошади. Тишина. Где-то позади меня в деревне послышался металлический скрип. Постепенно скрип начал нарастать, приближаясь к нашей далекой и тихой улице. Не нужно было гадать, чтобы догадаться кто это. Это был Макс. Он часто приезжал к нам на велосипеде, потому что пешком идти было долго.

Еще один плюс нашего местоположения – к нам не заезжают деревенские мотоциклисты, которые то и дело с облаками пыли пролетают по центральной деревенской улице, где живет Макс. Раньше, в детстве, Макс дружил и играл с этими гонщиками, но сейчас их интересы разделились, и былой дружбы не стало.

Скоростной велосипед вылетел из-за угла сада и завернул в сторону скамейки. Макс пыхтел и что-то ворчал себе под нос. Из-за скрипа велосипеда я не смогла ничего разобрать.

– Достал уже! Никакой скрытности! С таким успехом можно было бы и на танке приехать! – сказал своим низким

голосом Макс. – Ненавижу этот скоростной велосипед.

– Вправду. От танка была бы польза, – усмехнулась я и сказала: – Ставь велосипед в сад.

Я открыла дверь сада, чтобы Максим завел своего железного коня в "стойло". Мало ли, здесь не раз встречались случаи краж. В итоге вора ловили, но факт остается фактом.

– Снова старый добрый свитер? – посмотрел с улыбкой Макс на мой растянутый временем свитер.

– Да, – ответила я. – А ты, я вижу, как обычно в своей клетчатой рубашке?

– Конечно. Марку нужно сохранять.

Одной из наших слабостей были клетчатые рубашки. Мы тайком выкрали из бабушкиных сундуков все рубашки, не обращая внимания на недостающие пуговицы. Марку нужно сохранять!

Оставив деревню позади, мы поползли по просыпающемуся лугу. Холмы уходили вниз и снова поднимались, открывая нашему взору овраги, бобровые плотины и запруды, лесопосадки и уходящие в горизонт поля. Облака окрасились в алый цвет, и из-за восточных холмов поднялось солнце. Оно не сияло в полную силу – еще не проснулось. Красный диск повис над горизонтом и принялся наполняться светом. Миллиарды росинок затанцевали в свете золотого шара. Спящие бутоны цветов стали медленно распускаться, вдыхая свежий утренний воздух. В деревне запели первые петухи. Романти-

ка.

– Как же красиво, – восхищенно произнес Максим.

– Да уж, – хриплым голосом произнесла я.

Я даже не заметила, что мы стояли в немой тишине, наблюдая за тем, как мир пробуждается ото сна. Что-то внутри меня проснулось, восхищаясь солнцем, цветами и уходящими вдаль ночными облаками. Но наш путь сегодня лежал отнюдь не к торжеству солнца. Сегодня мы замыслили идти в сторону мрачных сосен, недалеко от заброшенной и мертвой деревни Красная Звезда.

– Ты что-нибудь пробовала рисовать? – спросил Макс, наблюдая за уходящими ночными облаками.

– Совсем ничего. Вдохновения не было. В последнее время мне что-то не по себе. Не знаю, как это объяснить, но это похоже на какой-то кризис. Кризис во внутреннем мире. Наверное, это в преддверии десятого класса. Я немного волнуюсь. Наш класс смешают с другим и боюсь, что с ними, как с моим классом, не склеится.

– Нас тоже смешали перед десятым классом. Сначала я тоже волновался, ведь ты знаешь, что я не особо коммуникабелен...

– Нет, Макс, ты очень дружелюбный. Люди к тебе тянутся. Ты не такой как я, – прервала я его на полуслове.

– Ты опять за старое? Если ты сама себя не любишь, люди, видя это, так же будут относиться к тебе. Почему ты при-

думываешь себе трудности. Ты добрый и открытый человек. Это притягивает людей. Просто нужно еще не забывать любить себя саму. Каждый человек уникален, никто не повторяется. Запомни это и не бойся нового. Все будет хорошо. Ты найдешь друзей. Они у тебя и так есть: я, Алиса, Руслан. Еще кто там был? – спросил он.

– Галя, Алина.

– Ну вот видишь?! А сколько еще людей, которых ты можешь назвать товарищами или хорошими знакомыми?

– Да, ты прав. Между Алисой и Русланом есть что-то большее, я им не нужна.

– Нет. Не говори глупостей. Ты просто напридумывала себе: со стороны виднее. Ты просто ревнуешь их друг к другу и хочешь, чтобы они были только твоими друзьями.

– Ладно, я все поняла. Спасибо. Давай не будем больше об этом говорить, – я остановила обсуждение этой темы, потому что атмосфера постепенно накалялась, и у меня не было желания продолжать этот бесполезный разговор.

Дальше мы шли молча, думая каждый о своем. Нашу тишину лишь изредка прерывал щелчок затвора камеры. Макс любил фотографировать ионовскую красоту. Он жил в центре деревни, поэтому ему не хватало всего того, что есть у меня за забором огорода.

– Хочешь подкрепиться? – спросил Макс, доставая из

сумки контейнер с бутербродами из колбасы и домашнего сыра.

– Я не против, но колбасу я не ем, ты же знаешь.

– Да, помню, у меня есть парочка с сыром, но если хочешь могу дать пожевать только хлеб, – улыбнулся он.

– Нет уж. Мое вегетарианство распространяется только на мясо бедных зверушек, – напомнила я ему и выхватила из его руки бутерброд с сыром.

Закончив с бутербродами, мы тронулись дальше. Не знаю, как Макс, но мне после еды стало легче, какая-то внутренняя насыщенность появилась внутри моей маленькой бездны. Я подошла к резкому краю ущелья. Ветер бегал в глубине оврага, касаясь верхушек травы и маленькой яблоньки, которая умудрилась вырасти в таком неудобном месте.

Эх, вот бы птицей стать и взмыть в небо. Руки сами собой раскинулись в стороны, и я закрыла глаза, представляя полет над иоковской долиной. Я бы полетела туда, где еще не бывала, залетела бы в леса и спела бы песню какому-нибудь старому дубу, а потом снова в небо. Ввысь, за облака, пока силы не покинут меня.

– Сейчас бы взлететь в небо, – мечтательно прошептала я.

– Тихо, – прошипел Макс.

– Я бы ни капли не пожалела, если бы стала птицей. У них есть шанс, который не дается таким существам как мы, – в случае проблем они могут просто взять и улететь. Это эго-

истично и безответственно. Мама часто говорит, что нужно решать проблемы, а не бежать от них, но, если есть шанс, почему бы не улететь.

– Да тихо тебе говорят! – разозлился Макс. – Послушай. В овраге. Там что-то есть.

– Вот еще затыкает меня. Только пусть начнет верещать что-нибудь умное, я ему припомню. Что там в этом овраге?

Я присела на корточки и закрыла глаза. Закрыв глаза, я мысленно представила перед собой глубокий овраг с обрывистыми краями, с журчащей речкой в глубине. Шелест листвы ив, ветер, играющий камышами, хруст, шлепок в луже. Это не похоже на звуки, которые издает овраг. Шлепки слишком тяжелые для бобров, а хруст никак не может принадлежать ветру. Звуки приблизились к нам, и я открыла глаза. Прямо под нами в зарослях камыша пробирались какие-то большие серые существа. Они проламывали сухие ветки и шлепали в грязи. Серая кожа, нет, не кожа, это была шерсть. Трудно рассмотреть.

– Это чьи-то телята? – шепотом спросила я у Макса.

– Не думаю, – задумчиво произнес брат.

Вильнули серые хвосты. Острая волчья морда напряглась, и тело замерло. Солнечные лучи скользнули по большому мохнатому телу волка, и его голова повернулась к его спутнику. Исполины замерли. Да, исполины. Это были просто нереально большие волки! Никогда таких не видела! Нико-

гда. Первый волк грубо зарычал. Не нравится мне это, что-то здесь не так. Второй присоединился к нему, и вдруг в одно мгновение, в долю секунды, я даже не заметила – их головы повернулись в нашу сторону. Глаза волков вонзились прямо в меня, и контроль над телом куда-то исчез, только взгляд, только пара злых глаз.

Пока я смотрела в глаза первому, второй медленно вышел из камыша и перепрыгнул реку. Он... он направляется к нам? Только не это. Нужно бежать, но я не могу. Не могу привести себя в порядок, меня будто пригвоздило к месту. Я не могу оторвать взгляд от этого исполина. Он будто внутри меня. Будто он говорит мне: "Не шевелись. Смотри прямо мне в глаза". Серая шерсть серебром отливалась в лучах восходящего солнца. Это и есть смерть?

– Бежим! – кто-то резко дернул меня, и глаза исчезли вместе с мыслями этого волка.

Это был Макс. Он вовремя спохватился и понял, что нам не избежать смерти, если мы будем бездействовать и надеяться, что минует опасность. Здесь мы одни. Никто с утра, даже житель деревни, не будет слоняться в этой глуши.

– Ты видел их? – задыхаясь спросила я у него.

– К сожалению, да. И я видел, что один из них направлялся в нашу сторону! – испуганно произнес мой брат, увлекая меня за собой.

В одно короткое мгновение мир распался на оттенки синего и зеленого. В ушах засвистел ветер, заглушая звуки во-

круг. Ноги почти не касались земли, а тело превратилось в корпус ракеты. Горло стало жечь. В голове осталась лишь одна картина – глаза, злые глаза того существа, похожего на волка.

Когда я пошла в первый класс, нас водили на экскурсию в зоопарк и те волки, которых я там увидела, худые, с несчастными глазами, очень сильно отличаются от тех, что внезапно появились перед нами в камышах.

Пробежав немного, я обернулась и увидела, как из оврага выпрыгнула большая серая туша. Огромные лапы напряглись и откинули этот объект от земли что есть силы, и он полетел на нас. К счастью, у нас с Максом была кое-какая форма. Если постараться, мы еще можем оторваться от них, но надолго ли? Надеюсь, кто-нибудь с ружьем заберется в такую глушь в это утро. Надеюсь... Ноги несли меня, как ракету. Моя скорость, по моим меркам, приближалась к скорости света. Я должна выжить. Рука Макса крепко сжимала мою. Мы должны жить. Это не конец! Не конец! Я верю в это.

Забыв об уважении к полю, которое нам внушали старики, мы рванули прямо через незрелую рожь. Так мы могли добежать до дома быстрее. Земля в поле была мягче, чем на лугу, поэтому бежать было тяжелее, но какие-то неведомые мне магические силы наполняли меня энергией. Это страх. Он придает мне силы, я не хочу умирать, не сегодня, не сейчас. Страх творит чудеса с человеком, страх заставляет нас двигаться вперед – бей или беги. Страх – это адреналин, это

жизнь для меня сейчас.

Прямо за нами раздался волчий вой, я закрыла глаза. Буду бежать с закрытыми глазами. Не хочу видеть, как мир сотрется перед моими глазами и погрузится в вечную тьму, заливаясь моей кровью. Не хочу этого видеть.

– Быстрее, Кристина! Пожалуйста, быстрее! – задыхаясь, кричал Макс.

– Я стараюсь! – кричу внутри я, но ничего не могу с собой поделать. Я выжимаю максимум из своего тела, еще больше я просто не могу. Наверное, я слишком слаба, чтобы жить в этом мире. Мое тело словно в замедленной съемке потянулось к земле. Все, я сдаюсь.

– Поднимайся! – рывок навверх. – Мы почти дошли.

Дошли? Вспомнив о доме, я рванула вверх и сильнее оперлась ногой о землю, чтобы полететь как можно быстрее. Нужно бежать. Волки. Глаза. Страх. Адреналин. Жизнь.

– Кажется, они отстали, – обернулся назад Максим. – Их не видно.

Их не видно. Неужели они отстали? Неужели они помиловали нас или сдались?

Оставив все мысли о паузе и передышке, я решила бежать. Не стану оборачиваться, пока не добегу до дома бабушки. Там безопасно. Там жизнь.

Медленно расстояние между нами и домом уменьшалось. Вот уже вижу скамейку перед садом, вижу, как липа, растущая в углу дома, становится все ближе и ближе. Руки маши-

нально тянутся вперед, чтобы распахнуть ворота и влететь в безопасность. А тем временем Макс тянул меня вперед что есть силы. Он изредка оглядывался назад, и чем чаще он это делал, тем ниже становилась его скорость. Наверное, сейчас мы сбросили скорость света и летим на земных скоростях.

– Отстали. Их нет.

Впервые за весь путь, который мы проделали, мною овладело неподдельное любопытство, и я обернулась.

Через ржаное поле тянулась вытоптанная дорожка двух людей, гонимых страхом смерти, но других следов, кроме наших, не было. Волки не бежали за нами по полю. Отстали на лугах. Почему?

– Все, не могу, – рухнула я прямо на рожь.

Силы покинули меня, и я чуть было не провалилась в небытие, но Макс снова рывком поднял меня на ноги.

– Мы дошли до дома, потерпи. Уже совсем близко. Пару метров, – прохрипел Макс и рухнул около забора под тень липы.

В глазах все плывет, по телу течет пот, ужасно болит голова и жжет горло. Не могу отдышаться: чем больше вдыхаю, тем больше мне нужно. Огромными усилиями я сдерживаю свое сознание от провала в небытие, что дается очень трудно.

– Нужно... нужно рассказать обо всем дедушке, – с трудом произнесла я.

– Да, нужно. Но вот поверят ли нам? – покосился он на

меня.

– Почему он может не поверить? – не поняла я.

– Не знаю. Мне кажется, это не самая лучшая идея. Нужно хотя бы спросить у них, не слышали ли они что-нибудь о больших волках. Помнишь, сколько бак мы рассказывали им в детстве? Я помню.

Слова Макса не переубедили меня рассказать бабушке и дедушке о произошедшем, но что-то внутри нашептывало мне, что это не самая лучшая идея. В детстве мы много фантазировали и нередко вламывались в дом, рассказывая будто за нами гонятся мамонты или драконы. Бабушка тогда хотала и рассказывала своим подругам, какая я фантазерка: "Видать, книги писать будете о своих драконах и мамонтах".

– Ты прав, нужно это сделать осторожнее, а то опять половина деревни узнает о том, какие мы с тобой фантазеры, – выдавила я, приводя дыхание в порядок.

Отдышавшись, мы залезли на липу, чтобы осмотреть местность на присутствие волков, но от наших преследователей не осталось и следа. Складывается такое ощущение, что их не было: в поле тянулись лишь наши следы, а на лугу следов они не оставили – не знаю, как у них это получилось.

Как только мы вошли в дом, то встретились с бабушкой, которая что-то напевала себе под нос. Она стояла у плиты и в шипении масла не услышала, как мы вошли.

– Доброе утро! – воскликнул Макс за моей спиной.

– Максимка, – улыбнулась бабушка, когда увидела племянника.

Макс приходился мне братом по линии бабушки. Дедушка Максима – ассатейка на чувашский лад, был родным младшим братом моей бабушки. Дедушка Макса и моя бабушка были очень похожи характерами: оба ворчали, если что-то делается не так, как они хотят, и не любили признавать свои ошибки. Моя бабушка невысокого роста и среднего телосложения. На ней был халат с яркими цветками, а на голове, как обычно платок, перевязанный на затылке, из-под которого выглядывали серебристые пряди.

– Как у вас дела? – поинтересовался Макс. Они с моей бабушкой были хорошими друзьями.

– Хорошо! – широко улыбнулась бабушка от внимания Максима. – Что нового увидели? Остались еще места, куда вы не дошли?

– Ох, там мест еще целая куча! – воскликнул Макс.

Бабушка часто подшучивала над нашим хобби. Ей казалось, что дольше поспать во время каникул лучше, чем слоняться в четыре часа утра по полям и оврагам. Наверное, это еще одна из причин, почему мне все меньше и меньше хотелось ей рассказывать о том, что мы видели утром.

– Кукамай (бабушка по линии матери на чувашском), а у вас здесь есть волки? – неуверенно спросила я. Ну давай же, посмейся над моим вопросом. Но на мое удивление кукамайка восприняла этот вопрос адекватно.

– Сейчас их нет. Всех перестреляли. Раньше было много волков, они даже в деревню как-то заходили. Вообще, это плохой знак. Первый и последний раз, когда волки заходили в деревню, был перед Второй мировой. Все сельские охотники, да и из городов приезжали охотиться. Дядя Коля ваш, мой старший брат, как-то на мотоцикле за одним гнался. Сейчас ничего не слышно, и следов не видно. А что? На волка наткнулись? – засмеялась бабушка.

– Нет. Ничего не видели, – натянуто улыбнулся Макс и толкнул меня в гостиную, в которой находилась дверь в мою комнату.

Дома было тихо и прохладно. Деда не было. Скорее всего, кукащейка (дедушка по линии матери на чувашском) в огороде готовит корм живности. А её у нас немало: корова, куры и цыплята, поросята, лошадь, которая ждет жеребенка. Раньше у нас были утки, которых я в детстве боялась, со временем дедушка решил, что хватит возиться с перьями и маленькими тушками каждую осень.

– Раньше их было много, – повторил слова бабушки Макс. – Интересно, а были ли случаи убийства больших волков? Нужно было об этом спросить.

– Ну сейчас я не могу вернуться обратно и спрашивать, а то она от меня не отклеится, пока я ей все не расскажу. А как расскажу, об этом узнает вся деревня. Захотел прославиться?

– Нет. Тогда спросишь позже у дедушки.

Мы решили не тратить время впустую и загуглить больших волков. Связь в деревне у нас была слабая, особенно у нас дома, поэтому ни о каком 3G и речи не шло. Макс с натянутыми нервами перезагружал страницы, чтобы прогрузить их полностью. Мы прыгали с ссылки на ссылку, но бились о пустоту или подростковые фанфики. Ничего. Никаких огромных волков. Мы пробовали даже ввести "большие волки новости", "огромные волки", "огромные волки новости". Ничего. Провозившись где-то час, мы оставили это дело. И чем больше проходило времени, тем больше нас обуревали сомнения. Не приснилось ли нам? Максим даже предположил, что мозг мог нас обмануть из-за недосыпа или же в том месте, где мы увидели волков, есть какие-то газы, помутняющие сознание.

– Итак, ничего, – опустился Макс и задумался.

– Странно это как-то.

– Очень странно.

– Быть может, это именно те приключения, которые мы так ждали? – предположила я.

– Нужно еще раз сходить на то место, но не сейчас.

– А что было бы с нашими родными, если бы нас загрызли те волки? – на миг представила я.

– Это ты к чему? – покосился Макс.

– Вчера кукамайке опять плохо было. Я слышала, как она встала посреди ночи, охая, и пошла на кухню за лекарством.

Наверное, если бы с нами что-то случилось, она бы этого не пережила.

В груди что-то кольнуло, и в горле встал тяжелый ком. Не представляю жизни без нее, кукащейки и Иоково. Они очень дороги мне и, если бы с ними что-то случилось по моей вине, я бы никогда себе этого не простила. Я понимаю, что кукамайка уже не так молода, как тогда, когда мне было лет шесть, но в моем сердце это те люди, которые живут вечно. Эти люди олицетворяют собой тепло, добро, свет и любовь. Большую часть своего детства я провела в Иоково, поэтому я пропитана этими людьми. Я хотела стать взрослой, но даже не задумывалась о том, что время касается не одну меня. Оно касается и их. И если я с каждым годом становилась выше, умнее, красивее в какой-то степени, они с каждым годом становились седее и старше.

– Ассанейка тоже чаще стала жаловаться на сердце. Иногда дома – в Тетюшах – мне становится страшно, что вдруг в новом входящем звонке от родителей может оказаться весть о том, что бабушки больше нет в этом мире.

Я чувствовала, что Макс напрягся, чтобы сдержать себя. Чувствовала, что мы коснулись темы, которую оба избегаем, но которая с каждым годом тревожит нас все больше и больше.

Жизнь – странная вещь. Вроде бы ты растешь, становишься мудрее и красивее, оканчиваешь школу, начинаешь учиться в университете, знакомишься с новыми людьми, об-

ретаешь какие-то навыки, делаешь самостоятельные решения, которые изменяют твою жизнь, но совсем не задумываешься, что время касается не только тебя. Увы, но время идет для всех по-одинаковому. Да, для кого-то время идет быстрее, а для кого-то медленнее, но факт в том, что физически мы все с одной скоростью движемся в этой спирали времени. Все мы одинаково взрослеем и стареем. Жизнь обычных деревенских батраков летит куда быстрее и тяжелее. Их жизнь протекает в тяжелом труде и в больших переживаниях. Никакие деньги и сила не могут прибавить им жизни. Да, есть лекарства, но они лишь оттягивают конец, который неизбежен. Есть только одно лекарство от бессмертия это – память. В нашей памяти эти люди могут жить вечно, и в наших силах дать им это бессмертие, если мы будем помнить о них. Помнить их свет, тепло и ласку, они всегда буду с нами. Вот здесь, слева, рядом с сердцем.

Глава 2

Мы с Максом долго сидели в тишине, размышляя каждый о своем, не нарушая уединения. В какой-то момент Макс прервал тишину и заявил, что ему пора. Обычно он не уходил так рано, но сейчас, после нашего разговора о здоровье бабушек, в нем что-то переменялось. Я понимала его, пони-

мала, почему ему вдруг резко захотелось домой, и не стала его останавливать. Я отпустила его, проводив до конца нашей улицы.

Вечером от него пришло сообщение, что ему нужно ехать в Тетюши на подготовку к выпускному, который был уже на носу. Я пожелала ему удачи и извинилась за то, что не смогу прийти и поддержать его. Он заверил меня, что все будет хорошо, и он не в обиде. Он бы и сам не покидал Йоково, но школьный выпускной раз в жизни.

Бабушка да и другие родственники говорят, что мы с Максимом очень похожи и внешне, и по характеру, но я так не считаю. Они сравнивают нас, когда мы вместе, а когда мы вместе, мы становимся "дуэтом Макса". Да, дуэтом. Макс всегда имел сильное влияние на меня то ли из-за разницы в возрасте, то ли от волевого характера, этого я не знаю. Он яркий и искрящийся человек. С него так и сыпется куча блестящих идей. Он энергичный и яркий, а я пассивная и меланхоличная. Макс всегда и всюду таскал меня с собой, он убеждал меня, что я тоже этого хочу, но одно "но" – он убеждал меня, а не я сама хотела этого. Я была лишь тенью его яркой искры. По мне, так я бы лишний раз посидела дома с какой-нибудь из книг. С книгами мне спокойнее. Мне всегда были интересны приключения героев, но сама я такого никогда не почувствую. Я обречена быть какой-нибудь одинокой серой мышкой.

День я провела, бегая за кукамайкой и кукащейкой, всячески пытаюсь им помочь. Правда, иногда мне казалось, что им хочется оглушить меня чем-нибудь тяжелым, потому что моя забота стала чрезмерной. Но это лучше, чем бездействовать и тухнуть около телевизора.

Сейчас я читаю "Джен Эйр" Шарлотты Бронте. Это потрясающий роман, от которого невозможно оторваться. Я часто сравниваю себя с Джен и мне кажется, что мы близки с ней. Возможно, это роман так действует на меня, возможно, я и вправду похожа чем-то на нее.

После обеда, где-то около шести, нам привезли сено, которое дедушка заказал у своего крестника дяди Вовы. Это человек высокого роста, с широкими плечами и черными как смоль усами и волосами. На вид я бы дала ему лет тридцать пять, и ни за что бы не поверила, если бы мне сказали, что у него есть двое детей, которые уже учатся в университете.

Он разгрузил тюки с сеном и даже помог нам их закатить ближе к сараю под навес.

– Ох, – устало выдохнул дедушка, – если бы не ты, Вова, не знаю, что бы мы делали. В этом году здоровье подкачалось.

– Да ладно тебе. Плохо, что бесплатно привезти не получилось. Если бы вот бесплатно привез, было бы хорошо.

Дядя Вова – именно тот человек, на которого можно положиться в любой ситуации. Таких людей, как он, в нашем современном мире не часто встретишь. Раздобыть сено де-

ревенскому жителю, как мой дедушка, да еще и со скидкой не так легко.

– Давай-ка не скромничай. Если бы ты не привез даже за деньги, мы бы этой зимой с нашей Лаской с голодухи поми-
рали, – дедушка похлопал усатого доброго дядю по плечу и улыбнулся.

В кармане дяди Вовы завибрировал телефон, увидев номер на экране, он напрягся. Видимо, что-то серьезное. Он отошел от нас на приличное расстояние и ответил. Где-то минуту он постоял, не двигаясь и, кивнув, положил телефон в карман.

– Опять на работу вызывают. В ночную смену говорят, нужно выходить.

– Колхоз он такой. Надо было в город бежать, – дал очевидный совет дедушка.

– Сейчас уже поздно. Мы привыкли к деревне (жили они, кстати, в такой же маленькой деревушке, как Иоково, – Жуково). Ну, мне пора, – бросил он и потянул руку дедушке, чтобы попрощаться. Да не тут-то было.

– Подожди, сейчас Маша тебе сыру с молоком передаст, – побежал домой дедушка.

– Да что вы, не нужно. У нас же у самих корова есть, – попытался отказаться от гостинцев дядя Вова.

– Тогда грибы. У нас их выше крыши, – крикнул дед, забегая домой.

Немного побеседовав с дядей Вовой о жизни, учебе и де-

ревне, я поняла, что это искренний и добрый человек. Когда я говорила с ним, мне казалось, что я говорю со своим другом. Когда вышел кукащейка, дядя Вова чуть было не потерял дар речи – дед и бабушка наложили ему полную сумку всяких вкусностей. Мои старики – люди добрые и щедрые, если человек готов помочь, то они его щедро отблагодарят.

После того, как дядя Вова уехал, мы с дедушкой закрыли тюки пленкой и уставшие зашли домой.

– Закончили, работники! – улыбнулась бабушка, увидев наши усталые лица. – Пойдемте скорее ужинать, а то, поди, проголодались.

Бабушка заботливо повела нас на кухню. Она суежилась вокруг нас, но пыталась показаться спокойной. Мне это было знакомо. Она не хотела казаться бесполезной, поэтому, как обычно, соорудила огромный стол со всякими вкусностями. Быть бесполезными – вот что для них самое страшное, поэтому каждый пытался хоть чем-то помочь, хоть что-то сделать полезное.

На столе чего только не было. Бабушка сварила борщ, пожарила картошку с котлетами, сделала пару салатов, пожарила рыбу, нарезала фруктов. Мой желудок предательски заурчал в страшном нетерпении. Я чуть было не забыла вымыть руки.

Мы были похожи на маленьких детей, собравшихся в кухне и радующихся обычным бытовым делам. А что еще нуж-

но для маленького уютного счастья?

На первый взгляд, жизнь в деревне может показаться сущей скукой, но это только на первый взгляд. На самом деле в деревне время замедляется, и это имеет свои положительные стороны. Здесь можно наслаждаться жизнью в полной мере, и кто это замечает и ценит, становится самым счастливым человеком.

С рассветом начинается жизнь обычных, как говорит дедушка, деревенских батраков. С утра нужно накормить свиней, кур, лошадей, кошек. Кто-то, у кого есть корова, доят её и провожают к стаду. В детстве я любила взбираться с утра на подоконник и, открыв окно, смотреть, как коровы огромным стадом спускаются по улице. Собрав всех коров, пастух (обычно это чередуется по домам всех, кто держит корову или овец) ведет их в Тарын Вар (большой котлован около Иоково, по поверьям там раньше находилась деревня, которая ушла под землю). После того как деревенские отправляют коров и овец в стадо, они убираются во дворе: подметаю, чистят, насыпают курам зерна. После окончания всех дел молодые сельчане идут на работу, а старые смотрят новости. Обычно уже никто не может спать после этого, поэтому они занимают себя огородом. Вечером, часов в пять, они снова кормят домашнюю скотину и, посмотрев уже вечерние новости, выходят на улицу, встретить своих коров и овец. В то время, когда в городе уставшие от офисов люди со зло-

стью готовят себе ужин, деревенские доят коров, поливают огород, нагревают воду, чтобы сполоснуться в бане, и только потом идут готовить. Кто-то после ужина умудряется выйти на улицу, чтобы поговорить с какой-нибудь соседкой-сплетницей и узнать последние новости. Я всегда удивляюсь – откуда у них столько сил? Эти люди странные, но они такие удивительные! Казалось бы, ты знаешь о них все, но они обязательно чем-нибудь тебя удивят.

После ужина мы дружной семьей пошли смотреть бра-зильский сериал, который показывали по какому-то каналу. Этот сериал бабушка смотрит каждый день уже восьмой месяц подряд и знает всех героев поименно. Частенько она переживает вместе с ними, радуется их счастью, естественно это не проходит незамеченным мимо дедушки. Он, бывало, отпускал по этому поводу шуточки, но бабушка как можно суровее косилась на него, другого выхода, как отвернуться к стенке и спать, у деда никогда не было. Со стороны это может показаться странным, но таков порядок вещей в этом доме и, читая дальше, вы привыкните к обитателям и их привычкам.

Сегодня дедушка лежал молча, и лицо его выражало умиротворенность и беззаботность. Сено на зиму заготовлено чуть ли не раньше срока – одно из главных дел лета завершено. А бабушка, лежа на диване с широко раскрытыми глазами, наблюдала за тайной встречей главных героев.

– Санта-Манта, я не могу жить без тебя, как солнце без

луны, – страстно шептал главный герой на ухо своей возлюбленной.

– Но Хуан, я, как солнце не может быть с луной на одном небе, не могу быть с тобой.

Вот здесь они, конечно, подкачали. Так-то солнце и луну иногда можно встретить на одном небе. Эх, романтики. Пока я совсем не сошла с ума от этого сериала, пойду почитаю Бронте и послушаю Нирвану. Да уж, читать классику и слушать рок – странное сочетание, но если правильно подобрать песню, то можно сделать шикарный микс.

"Джен Эйр" я перечитываю во второй раз. Сейчас я дошла до того момента, когда Джен впервые увидела Сэра Рочестера. Он упал с коня, а она помогла ему. Бедная Джен, она считает себя некрасивой, но мне кажется, что уж лучше быть худенькой, чем иметь лишний вес. Я бы хотела быть бледной, как она, а не смуглой, хотела бы иметь английскую внешность. Кажется, кто-то перечитал английскую классику. Пора ложиться спать. Завтра меня ждет... а что я буду делать завтра? Не знаю. Макс уехал, поэтому можно будет хорошенько отоспаться. Да и тучи, сгустившиеся на небе, в любом случае не позволили бы нам выйти на прогулку. Скорее всего, завтра будет дождь. Пора бы. Давно не было дождей.

Я люблю дождь. Не знаю почему, но дни, когда идет дождь, всегда действуют на меня положительно.

Вдруг кто-то прямо рядом со мной громко заорал и начал шуметь не по-человечески. Эти звуки были ужасающими. Я

не поняла, что происходит. Все вокруг меня потемнело.

Я забыла вытащить наушники перед сном! Заснула с книгой в руках и с наушниками в ушах. Глупая.

За окном ночь наполнилась жутким воем ветра и жалобным стоном деревьев. Все же мои прогнозы оправдались. Звезд не было видно, так и знала, что наплывут облака. Я присмотрелась лучше, чтобы увидеть, не сверкают ли где-нибудь молнии. Но мое внимание привлек какой-то человеческий силуэт под соседским фонарем. По росту и комплекции – это мужской силуэт. Незнакомец был в капюшоне, поэтому лица его я не смогла рассмотреть. Незнакомец сделал пару шагов вниз по улице и остановился. Обернулся и уставился прямо на наш дом. В какой-то момент мне начало казаться, что он видит меня. Мне стало не по себе, и я осторожно отползла от окна на четвереньках и юркнула под одеяло. Скорее всего, это опять очередные друзья соседских парней. Иногда они меня напрягают, потому что нужно передеваться осторожно, как бы какой-нибудь парнишка не подглядывал. Бесят.

Следующий день ничем меня не удивил. Я целый день посвятила себя книге. По двору дел не было и по дому тоже.

"Джен Эйр". "Amatory". "Lumen". "Nirvana". "Джен Эйр".
Ночь. Сон.

Посреди ночи меня разбудил громкий разговор бабушки

и бабушки. Что у них случилось? Почему они так громко разговаривают?

Я вышла на кухню и застала там взволнованную бабушку.

– Что случилось? – спросила я, укутываясь в домашний халат, который мне подарила бабушка. Я очень редко его надеваю, потому что он подобран из самых основных бабушкиных представлений красоты (цветочки).

– Ласка что-то разбушевалась. До родов ей рано, да и раньше такого с ней не было. Дедушка сейчас проверит её и зайдет. Давай-ка, иди, ложись спать. Ничего страшного, наверное, – бабушка хотела казаться как можно спокойней, но я-то видела, что она волнуется.

– Я тоже посмотрю, – не выдержала я и выскочила в сени, накинув на себя куртку.

Кукамайка что-то крикнула мне вслед, но было уже поздно.

Улица встретила меня дождем и сильным ветром. На небе было ни единой звездочки: все заволокли тучи. Ветер качал тополя на улице, отчего они дико стонали. Верхушка липы, выглядывающая из-за крыши сарая, тряслась как сумасшедшая. Что-то в ней мне показалось подозрительным. Что-то в этом дереве было не так, как раньше. Я прищурила глаза, чтобы капли дождя мне не мешали. И тут меня словно громом поразило – кто-то сидел на крыше. Кто-то, кто не двигался по воле ветра и сидел без движения.

Очертя голову, я кинулась в конюшню к дедушке, что была дальше по двору. Господи, как бы этот незнакомец не кинулся мне на спину!

– Кукащей! Там кто-то сидит на крыше! – закричала я, как только ворвалась в конюшню.

Дедушка гладил кобылу, успокаивая её и что-то шепча на ухо. Увидев меня, он неслабо удивился. В слабом освещении мне показалось, что за Лаской тоже кто-то прячется. Но, хорошенько присмотревшись, я поняла, что это лишь моя тень.

– На крыше? – испуганно переспросил меня дед.

– Да, на крыше зернового сарая. Там кто-то сидит.

Дедушка оттолкнул меня в сторону и, взяв палку, лежащую у двери, выскочил во двор, освещая фонариком крышу. Я выбежала за ним, чтобы в случае чего помочь ему. Помощник из меня никудышный, но кто знает, кто там сидит.

Дед скользил лучом фонаря по краю крыши, просматривая все до мелочей. Кажется, в этот раз он мне поверил. Я наблюдала за движением фонарика вместе с ним, стараясь осмотреть те места, куда он еще не успел направить фонарь.

Никакого нет.

– Никакого нет. Ты точно кого-то видела? – переспросил дед.

– Да. Кажется, вон там, у липы. Там был кто-то, – указала я пальцем в место, где пару минут назад кто-то сидел.

Дедушка выбежал на улицу и стал искать этого незнакомца. Казалось, его даже не волнует то, что он был в одной курт-

ке, майке и в трусах.

Чисто.

– Никого нет. Наверное, тебе показалось, – как можно спокойнее сказал он. – Заходи домой, пока не простудилась. На улице холодно. Сейчас промокнешь и моментально заболеешь.

– А с Лаской что?

– Ничего. Не знаю. Завтра нужно сходить к ветеринару и попросить проверить ее. А ты давай-давай иди.

Неужели мне всё-таки показалось. Но ведь там и вправду кто-то был. Со стороны нашего амбара ветви липы не качались на ветру. Как такое может быть? Быть может, это толстые ветви деревьев? Все это слишком странно. Быть может, мне всё-таки стоило рассказать им про волков? Хотя это, как мне кажется, не самая лучшая идея. Мало ли подумают, что я с ума сошла.

Неохотно я зашла домой и, заверив бабушку, что все в порядке, пошла в свою комнату.

Странно все это получается. Вчера утром я видела волков (наверное), вчера вечером какой-то подозрительный тип терся около соседского фонаря, а сегодня кто-то был на крыше нашего амбара. Ведь был же? Мне же это не показалось? Не должно показаться. Но мне показалось, что и за Лаской кто-то прячется. Игра света и фантазии? Быть может, мне всё-таки показалось, что на крыше кто-то сидел. Как вообще туда можно взобраться в такую погоду? Никак. Если только

поставить лестницу, а дед ничего подозрительного не обнаружил. Странно все это. Либо кто-то за мной следит, либо у меня началась паранойя. К сожалению, второе вероятнее всего. Нужно будет завтра осмотреть все внимательнее. Быть может, я найду какие-нибудь следы.

Завтра. Нужно дождаться завтра.

Лес. Ночь. Медленно по земле ползет туман, утекая в бездонную темноту оврагов. Я стою под тенью единственного огромного старого дуба в этом мрачном лесу. Остальные деревья, смесь лип и кленов, отошли от дуба, будто люди, отошедшие с трепетом от чего-то святого.

Под ногами хрустят сухие ветки. На небе сияют звезды и большая яркая луна. От дуба веет каким-то непонятным теплом. Такое чувство, будто он живой и хочет поделиться со мной этим теплом, а остальные деревья даже не смеют подходить к этому святому источнику живого тепла.

Где-то в глубине оврага, под густой пеленой тумана, раздался хруст.

Я подошла ближе к краю оврага и нагнулась, чтобы приглядеться лучше.

Кустарники дикого шиповника исчезали под одеялом вездесущего тумана. В овраг, отгоняя на своем пути густой туман, пополз свежий ветерок.

Я с трепетом наблюдала за расходящимся в стороны туманом. Из-под белоснежного покрова показались черепа и

кости. Чем больше туман расступался, тем больше остатков некогда живых существ мне удалось увидеть. Позвоночники, черепа, кисти рук, ребра, тазовые кости, челюсти. На некоторых все еще сохранилась плоть. Я видела это раньше, видела в... в кабинете биологии.

"Смотрите внимательно, это человеческий скелет..." — эхом пробежал в голове голос учительницы биологии.

— Человеческие кости, — шепотом сказала я.

Полоска ветра все еще продолжала свой путь, открывая все больше и больше человеческих останков. Кости людей. Кладбище, братская могила, что это? Полоска замерла. Остановилась у какой-то невидимой стены. Что же там? Я подалась вперед, чтобы увидеть, что скрывает это место.

Из тумана появилась большая серая лапа и раздавила человеческий череп. Раздалось рычание. Противное, холодное, безжалостное рычание хищника, который вот-вот убьет тебя. С некой грандиозностью выплыла голова огромного серого волка. Сверкнули красным глаза великана и я...

Свет. Моя комната в Йоково.

Что? Я снова закрыла глаза. Темнота. Открыла. Свет. Ничего. Я дома. Это был сон. Страшный и темный сон. Фуф, слава богу, это был всего лишь сон.

Сердце в испуге до сих пор ждет, что откуда-нибудь появятся те красные глаза, и огромная лапа серого существа разорвет мое горло. Я приподнялась, чтобы убедиться, что я дома в своей теплой кровати, а не посередине темного леса.

Это был сон. Думаю, даже самому Стивену Кингу не снятся такие сны.

Где-то рядом с кроватью должен быть мой телефон. Сколько времени?

"08:33, 24 июня 2014, вторник.

Переменная облачность. Температура +16/ +13".

Так, нужно подниматься. После такого сна спать мне что-то расхотелось.

Не торопясь, я поднялась с кровати, накинула на себя большую клетчатую рубашку и широкие джинсы. Нужно заправить кровать, убраться в комнате, в доме, спросить у кукамайки, нужна ли еще в чем-нибудь помощь.

Справившись со всеми делами за полтора часа, я села завтракать. Поздний завтрак. В то время пока я убиралась, бабушка приготовила жареную картошку с грибами и зеленым луком. Картошка, как всегда, была ни с чем не сравнима: золотая корочка, приятный мягкий аромат домашнего сливочного масла. В деревне я не старалась заботиться о лишнем весе, потому что со здешней едой это невозможно, поэтому уплетала за обе щеки.

– Ну что там с Лаской? – поинтересовалась я у дедушки, когда он сел во главе стола, сбросив с себя дворовую куртку в угол.

– Эй, ну-ка, убери! – сурово покосилась на него бабушка. – Кристина только что полы помыла.

– Извините, – сделал что-то вроде поклона дедушка и вы-

нес куртку в сени. – Ничего страшного вроде. Яков Савельич сегодня уехал в Красные Тарханы, поэтому придет завтра.

– Там что? – спросила бабушка.

О, кукамай так частенько делала – хочет знать все до мельчайших подробностей. Нужно будет как-нибудь поискать дома папки с досье на каждого жителя деревни. Уверена, такой тайник у нее есть.

– Не знаю. Откуда мне все знать? Я же не какая-нибудь бабка сплетнявая?! – покосился дед. – Вчера к Мишкиным (дед Макса) соседям кто-то пробирался. А Петр говорит, что ночью выходил проверить заперты ли ворота, как услышал, что в курятнике курицы зашумели. Разозлился вначале, что Клавдия свет не выключила, вот они и с ума сходят. Зашел, а света нет, и куры кудахчут как бешеные. Нинка, почтальона жена, говорит, будто это чупакабра какая-то. Говорит, в газете пишут про какого-то зверя, который кровь пьет у животных, а тушки не трогает.

– Тьфу, нашел кому верить – шантрапе! – засмеялась бабушка. – Да в этой деревне на одном конце пукнут, до другого уже дойдет, что насрали. Фу, глупости это. Никакой чападры нет уж.

– Чупакабры, – исправила я, так как читала о ней в одной книжке про мистических животных.

– Пускай так, – отмахнулась бабушка. – Так вот это обычный хорек. И раньше они выносили куриц, поэтому никаких чучимачучи тут не появлялось. Просто двери закрывать на-

до, тогда никакая чучамача не зайдет.

Дед и я не смогли сдержаться и громко засмеялись. Бабушка и раньше не могла выговаривать некоторые названия, поэтому мы с дедом частенько её дразнили.

После завтрака все обосновались в гостиной около телевизора и под вещание унылых дядечек и тётечек мирно засопели. Все, кроме меня. Я тихо прокралась в сени, а оттуда на улицу.

Улица встретила меня свежестью и прохладой пасмурного полудня. По двору с самым важным видом, на который только способны, расхаживали куры и петух. Они пытались найти утренние объедки в щелях между дощечками, которыми был выстлан пол двора. Звуков лошади было не слышно, я предположила, что дед уже увел её на луг наслаждаться свежей зеленой травой, ставшей зеленее и сочнее после дождя.

Моей миссией не было рассматривание кур и кошек, прячущихся от надоедливых птиц на крыше. Моей истинной миссией, которая побудила меня на вылазку, был поиск следов вчерашнего незнакомца, если он был, конечно. Для начала я поискала во дворе отпечатки чужих ног, но дед, как всегда, утром все смел, и плюс ко всему до деда был дождь, так что игра в Шерлока Холмса с треском рухнула. Остается посмотреть на другой стороне зернового амбара.

На улице картина была такая же: курицы пытались найти всех дождевых червей, которые по глупости выбрали на-

шу территорию для вылазки на поверхность после дождя. Соседская собака гоняла мух, воскрешавших после дождей свои армии. Трава перед домом была зеленой-зеленой, словно её насыщенность увеличили в фотошопе. Дождик творит чудеса.

Обойдя забор, который окружал всю территорию дома и сарая, я зашла к липе, растущей в самом углу. Внимательно осмотрев её, я начала сомневаться в своем здравомыслии. Все, как обычно. Никаких борозд на дереве не было, все ветки целы. На земле тоже все, как обычно, лишь под липой было что-то вроде вмятины, но я не придавала этому значения, потому что здесь могли лежать дедушкины принадлежности для лошади (веревка, цепи, молоток и колышек).

Эх, ничего странного. Все слишком обычно. Но неожиданно для меня, когда я уже вышла из огражденной забором территории на дорогу, которая вела на луга, и совсем было отчаялась, мое внимание привлек один необычный предмет. У забора, прямо под липой, в траве лежал дедушкин мясницкий нож. Обычно этим ножом дед колол свиней, но никогда не выносил его дальше двора. Лезвие ножа было примерно сантиметров 20–25, а ручка обмотана черной матерчатой изолентой, чтобы не соскальзывали руки. Дед никогда раньше не разбрасывался такими вещами.

Я осторожно взяла нож, стараясь не порезаться и на всякий случай не стереть какие бы то ни было отпечатки пальцев. Мало ли как он сюда попал. Оставив нож в гараже рядом

с конюшней, где он обычно лежал, я зашла домой.

На кухне по телевизору показывали какую-то передачу. За столом с газетой в руках сидел кукашей, его брови были нахмурены, и он совсем не заметил, как я зашла.

– Кукашей, – я подошла к столу и на всякий случай проверила нет ли рядом бабушки. Её здесь не было.

– Да? – натянул улыбку дед и посмотрел на меня уставшими глазами, которая ни одна улыбка не скроет.

– Я сейчас нашла на улице твой нож, которым ты свиней режешь. Он около забора лежал, я занесла его в гараж.

– Нож?

– Да. Тот с длинным лезвием.

– Как он туда попал? Я его... кажется, не трогал. Странно. Только кукамайке не говори. Ей необязательно об этом знать. Хорошо?

– Хорошо.

– Вот и ладненько. А пока иди отдыхай. Дел сегодня всё равно нет, – улыбнулся он и, достав из стола какие-то таблетки, бросил одну себе в рот.

Дома было тихо, и мне совсем не хотелось тухнуть в своей комнате, тем более я успела соскучиться по зеленому простору лугов. Взяв телефон, наушники и папку для рисунков, я пошла к обрывам, чтобы немного порисовать и привести нервишки в порядок.

По небу не спеша плыли большие белые облака, в некото-

рых местах встречаясь с темными. То тут, то там из облачного потолка вылетали лучи света и плыли по ржаному полю, будто кто-то наблюдает за нами, пока мы этого не подозреваем. Этот кто-то пробивал в облаках дыры и смотрел сквозь них на землю. Но удостоверившись, что после дождей мир все еще жив и цел, он закрывал щели и открывал их в других местах. Ветер помогал нести облака быстрее, чтобы всевидящему можно было быстренько перенестись и проверить другие земли. В то же время этот самый ветер играл и ласкал колоски ржи, иногда танцуя с ними, чтобы приободрить их рост и хоть как-то расшевелить после дождя.

Я шла по абсолютно зеленому ковру травы, встречая мои любимые полевые цветы. Они всегда казались мне сильнее и прекраснее тех, что росли в палисаднике у бабушки. Эти цветы настоящей дикой природы были сильными бойцами, которые питались тем, что у них под «ногами». Этих «бойцов» никто не поливал из лейки, когда засуха затягивалась, никто не разрыхлял почву и не сыпал специальным удобрением.

Моим любимым местом для рисования был уединенный обрыв, находящийся на полпути к Красной Звезде. Я люблю здесь рисовать это особое место. Магическое. Обычно, если даже кто-то здесь ходит, то только по поросшей старой дороге в сторону леса за грибами, яблоками или же на сенокос. Сегодня не самый лучший день для сенокоса, а яблоки еще не созрели.

Я долго пыталась что-нибудь нарисовать, но кроме красных глаз, прячущихся в тумане, и огромных серых волков в зарослях камыша, ничего не получалось. Изредка я поглядывала в сторону оврагов, где мы с Максом повстречали тех исполинов. Если, конечно, мы вправду их повстречали.

Погода потихоньку начала портиться. Ветер, танцующий вальс с рожью, начал набирать ритм быстрее и агрессивнее. Он толкал колосья к земле, а потом резко поднимал их. Сгибал, толкал, выпрямлял. Ветер даже до меня дошел своими холодными руками. В одно мгновение он выдрал некоторые рисунки из папки и понес в овраг, в заросли, куда я не смогла пробраться. Проказник.

Облака надо мной начали темнеть, а вездесущий потихоньку закрыл все свои щели, через которые наблюдал за нами. Появились ли у него новые дела или же то, что он увидел, удовлетворило его, я не знаю, но ясно было одно – дождя не миновать.

Вернувшись обратно на верхушку обрыва, я заметила какое-то движение около части леса, выходящей на луга. Что-то темное оторвалось от леса и торопливо направилось в мою сторону. Не могу разглядеть кто или что это, потому что незнакомец облачен во все черное. Черное. Нужно бежать!

Быстро подняв с земли папку, я полетела домой. Ему меня не догнать, но мало ли. Ветер, как назло, стал сильным и мешал мне бежать, тормозя меня. Но, несмотря на это, я успела.

Забежав домой, я села у окна в моей комнате и стала ждать. Ждать, кто же выйдет из-за дома и ворвется к нам в поисках меня и моей головы. Не нужно было идти на обрывы. Плохая была идея. А вдруг этот незнакомец увидел, что я ищу что-то в овраге? Черт! Именно поэтому-то он погнался за мной! Дура! Дура! Не надо было этого делать! А что, если в числе ненайденных рисунков были волки? Нужно скорее вернуться и найти их! Нет, я уже опоздала, к тому же начался дождь. Должно быть, тот незнакомец, не знаю волк ли это или тот, кто бегают по крышам, уже дошел до нашего дома.

Ворота хлопнули. Я не заметила его! Я проморгала все! Скрипнула входная дверь в сенях.

– Кто это там пришел? – удивилась бабушка в гостиной.

Только не это. Что же будет с дедушкой и с бабушкой? Что этот незнакомец решит сделать с ними, ведь без боя они меня не отдадут. Боя? Мне придется с ним сражаться? Или же незнакомец пойдет на уловку и уведет меня из дома по обоюдному согласию? Что делать? Быть может, уйти по собственному согласию? Что же делать?

Входная дверь на кухне открылась, и кто-то вошел в дом. Секунда паузы. Все кончено. Нужно было с Максом уезжать в Тетюши. Точно! Как только эта идея не пришла ко мне раньше? Черт!

– О, здорова, кума! – воскликнул дедушка.

– Здравствуй, кум! – раздался женский голос. Женский?

Я неуверенно вышла из комнаты, чтобы проверить, кто

же там.

На пороге стояла тетя Клаша – мамина крестная. Эта сельчанка была одного возраста с моей бабушкой. Они вместе учились в школе и были когда-то лучшими подругами, но время не жалеет никого, даже дружбу.

Тетя Клаша – высокая и худая женщина, увидев её ночью, я бы посчитала её смертью, которая решила прийти ко мне и вот таким образом забрать. Её отличительной манерой было надевать длинные плащи и черные юбки. Сейчас на ней был длинный черный не промокающий плащ и странная серая юбка.

Вот я глупая! Так вот кто это был! В свое оправдание могу сказать только то, что на ней черный плащ и издалека это выглядит пугающе, особенно в такую погоду.

– Ты чего это, кума, в такой дождь по улице бегаешь? – поинтересовалась бабушка.

– Да, я думаю, что дома тухнуть, схожу-ка в лес, посмотрю на грибы. В итоге вот, – указала она на дверь в сени. – Два пакета насобирала.

– Вот те на! Надо будет тоже сходить, – обрадовалась бабушка.

Мою кукамайку хлебом не корми, дай грибов насобирать. Она частенько таскала меня с собой, но я её радости не разделяла, к тому же потом приходилось сидеть и чистить их.

– Позже сходим. Мне тоже интересно на это посмотреть, – выявил свое желание дед. – А ты, кума, давай-ка садись за

стол, отогреешься чаем, а то простудишься.

Позже, после того как тетя Клаша, взяв свою огромную сумку, поплелась вниз по улице домой, дедушка с бабушкой, снарядившись, пошли в лес. Я волновалась за бабушку, мало ли вдруг её прихватит в лесу. Но мои страхи, к счастью, были пустыми. Старики вернулись целы и невредимы. Вечер у нас прошел в чистке и варке грибов. Когда с грибами было покончено, на узкие улицы Йоково опустились сумерки.

Этой ночью мне ничего не снилось, то ли оттого, что я устала возиться с грибами, то ли оттого, что кошмары закончились, и я, как оказалось, днем попросту себя накручивала.

Все хорошо, что хорошо кончается.

Глава 3

"10:00, 25 июня 2014, среда.

На улице пасмурно. Температура +10/+8.

Ваше местоположение с. Иоково Тетюшский р-н, РТ", – и экран моего коммуникатора погас.

Сегодня мы с дедушкой пошли к ветеринару, который живет на другом конце деревни. Яков Савельич приходится нашим родственником с дедушкиной стороны, поэтому дед решил не звонить по телефону, а попросту прогуляться, чтобы увидеть, как живет родня.

По небу плыли хмурые облака. Думаю, сегодня снова будет дождь. Главное, чтобы мы успели добраться до дома Якова Савельича до начала «мокрой атаки». Мне бы не хотелось промокнуть. От этой мысли я невольно съёжилась и снова посмотрела на небо. Серые громоздкие облака плавно плыли, не изменяя своему курсу.

Мои сапоги сияли, отполированные мокрой травой. Один из плюсов такой погоды – чистые сапоги. Не хочешь мыть сапоги – прогуляйся, трава сделает все за тебя.

К счастью, наш путь пролегал не через деревню, а в обход. Этот маршрут вполне устраивал меня. Вначале мы шли по околице, а потом, обойдя сельскую школу, свернули в неглубокий овраг, наполненный самыми разными лужами. Слева от нас росли ивы в маленьком болотце, а справа свиная ферма, поросшая со всех сторон лопухом и высокой крапивой. Если идти прямо и не сворачивать, можно попасть на речку Кильну. Чуть выше по течению в нее впадала наша Безымянка. В этом месте часто рыбачит детвора. Иногда, по словам дедушки, здесь вылавливали даже щук.

Через речку был перекинут маленький, не внушающий доверия мостик. Этот мостик вел на пшеничные поля, кото-

рые тянутся на юг, останавливаясь у дороги "Тетюши-Ульяновск". По этой дороге я часто приезжаю в Йоково на автобусе, если у папы нет возможности довезти меня на машине по проселочной.

Дом Макаровых был большим, а рядом в овраге, по которому мы шли, паслась парочка их лошадей. Они жили на маленькой тихой и зеленой улице подобно нашей, в некоем уединении. Не знаю, то ли оттого что Яков Савельич был ветеринаром, то ли оттого что просто любил животных, живности у них было хоть отбавляй. Кроме двух вороных коней у них были стандартно куры, свиньи, овцы, корова, одна козочка. А в огороде были клетки с несколькими десятком кроликов.

Долго мы у них не задержались. Дед поговорил с женой Якова Савельича Варварой Васильевной, пока её муж загонял лошадей, а я тем временем наблюдала за крольчатами. Помню, я и в детстве этим занималась, когда мы спускались к ним в гости.

После того, как лошади были загнаны в конюшню, мы загрузились в старенькую красную "Ниву" и рванули по деревне к нам. Я рассчитывала на пешую прогулку, но раз на машине, то пускай на машине.

Машину кидало из стороны в сторону, но старики были хладнокровны и смеялись над чем-то своим. Слыша двух взрослых людей, обсуждающих свою жизнь и своих ворчли-

вых жен, меня стал душить смех. А уж когда Яков Савельич обернулся и сказал мне, чтобы я ничего не говорила бабушке и его жене, я вовсе забыла о приличии и захохотала во всю силу.

Как оказалось, с нашей лошастью все в порядке. Яков Савельич предположил, что она просто чего-то испугалась, никаких поводов для волнения нет. Жеребенок жив и цел.

После того как ветеринар уехал, дедушка попросил меня нарубить картошки для похлебки, которой обычно кормили свиней. Я с радостью согласилась и в безмолвии принялась за дело.

Я люблю физический труд, помогающий держать тело и дух в тонусе. Тем более есть возможность над многим подумать и даже решить какие-то проблемы.

Скорее всего, если бы в старости у меня была возможность вернуться сюда в Иоково, я бы вернулась одна или с «ним», которого еще не повстречала. Мы бы держали кур, лошадь и козу. А еще для разнообразия пару овец и большую собаку, которая охраняла бы наш дом. Летом мы сидели бы на скамейке перед домом, наблюдая за прекрасным закатом. Мы были бы безгранично счастливы. Вместе мы бы собирали осенью желтые листья, а зимой вычищали бы тропинку перед домом. После дождей мы бы ходили за грибами, а солнечным летним днем собирали на лугах землянику. По ночам я бы не боялась ложиться спать, потому что рядыш-

ком всегда был бы он. Я бы готовила для него самые вкусные блюда и смотрела с ним телевизор. Войны, падение рубля, санкции, деньги и другое нам были бы нипочем. А если у нас были бы дети и внуки, то мы рассказывали бы им сказки о волшебстве этого крохотного мира, который создали мы.

Парень. Не знаю почему, но не ладится у меня как-то с этим. За свои шестнадцать лет я ни разу не целовалась с человеком противоположного пола. Мои одноклассницы уже сменили не одного парня, а у меня никого не было. Но я не жалеюсь. Придет и мое время, будет у меня парень, испытаю и я взаимные чувства, нужно просто подождать. Я даже не знаю, почему я этого хочу, то ли от того что я девушка и просто хочу ласки, то ли от того что перечитала романов. Если честно, то я не хочу, чтобы это был какой-то второсортный принц с ванильными мечтами и прической, как у Джастина Бибера, я хочу, чтобы это был король. В моем понимании «принц» – это ни рыба ни мясо. Принцу еще нужна лягушка, дракон и миллион трудностей, чтобы «испечься», а король – это совсем другой человек. Король – это тот, кто уже что-то понимает в жизни и может чему-то научить тебя. Король – это человек, который точно может защитить тебя и твою честь, который не удержит в поисках «новой принцессы», как только на горизонте появятся трудности.

Я не жду принца на белом коне, я жду короля на черном. И я готова ждать его хоть двадцать, хоть тридцать, хоть сто лет.

Когда вся картошка была нарезана, а буржуйка получила свою ежедневную работу, я сидела дома и читала книгу. Погрузившись в книгу, я не заметила, как пришел вечер, очнувшись я тогда, когда кукамайка после варки грибов попросила меня помочь ей. Я, конечно же, отчитала её за то, что она не сразу меня позвала, ведь я не умею читать чужие мысли. Но кукамай заверила, что чувствует себя как никогда хорошо. Якобы прогулка по лесу придала ей сил. Ну—ну.

В перерыве между работой я решила приготовить ягодный чай. Ягоды содержат витамины. Они помогут успокоить мои нервишки, которые расшатались за эти дни, как старая табуретка.

Дождь уже не моросил. Где—то даже обещало выйти из-за туч солнце. В огороде благоухало свежестью. На широких листьях малины лежали прозрачные капли дождя; трава была ярко-зеленого цвета: дождь смыл месячную пыль. На ветках стройных яблонь поблескивали яблоки.

Видя в который раз, как природа преображается после дождя, мне захотелось, чтобы и со мной произошло подобное. Я решила прислушаться к себе, вдруг уже что-то подобное происходит со мной сейчас, в эту минуту. Тишина.

Наверное, человек, подобно природе, может преобразиться, благодаря своим мыслям, труду и минутам счастья. Естественно, этот процесс не займет пару минут. Люди преобра-

жаются годами. Думаю, я уже встала на этот путь. Живя среди этой красоты и добрых людей, волей-неволей становишься чище и лучше.

Пару минут я просто стояла и смотрела в небо, радуясь светлым мыслям и новым надеждам.

– Кристина, вылей оставшуюся воду, – велела бабушка. – Я пойду лягу, что-то я устала.

Взяв ведро, полное воды и остатков грибов, я вышла на улицу, чтобы частично возвратить природе долг, вылив эту воду в поле. На самом деле мы так частенько темнили. А что в этом такого? Особой ямы у нас нет, да и нужно ли, когда живешь на отшибе.

Солнце уже заползло за горизонт, небо окрасилось в алые цвета. Видимо, процесс пропажи хмурых облаков я все же пропустила. Работа иногда засасывает. Завтра будет солнечный день. Я вошла в бескрайнее ржаное поле и, пройдя несколько шагов, замерла.

Какое-то напряжение сковало мое существо: что-то твердило в голове, что на улице опасно и лучше вернуться домой. Волки, странные тени, человек у фонаря, липа, нож – все это сказалось на мне, если раньше я выходила в поле без страха, то сейчас мне кажется, что в собственном доме небезопасно. Но, к счастью, путаница в голове сама собой разложилась по полочкам, выбрасывая все ненужное в корзину для мусора. Меня стало отпускать. Я вдохнула свежий вечерний воздух, и по мне пробежали мурашки. Вечерний воздух таит в себе

целую гамму запахов: незрелая рожь, грибы, запах земли. Я люблю запах земли. Это запах чего-то вечно живого и родного, запах, который я буду вспоминать всю жизнь.

Сейчас я чувствую... Искренность. Да, искренность. Самию настоящую и правдивую искренность к себе. Внутри меня все будто растет, заполняется запахами, алыми оттенками заката, которые я хочу разглядеть до мельчайших подробностей. Сколько бы я ни всматривалась, красота окружающего мира занимает все больше и больше места во мне. Эта безграничная и дикая красота захватывает с головой и погружает в пучину внутреннего спокойствия и бесконечности.

Я обернулась в сторону дома, посмотреть, не вышли ли старики в поисках меня. И вдруг бесконечность, которую я чувствовала пару минут назад, скрылась, став неподвластной перевернутой восьмеркой – какой-то незнакомец выпрыгнул из нашего огорода и направился по дороге в сторону Красной Звезды. Незнакомец оглянулся и, увидев меня, ускорил шаг.

Да как он смеет?! Как смеет этот незнакомец так поступать?! Как он смеет так играть со мной?! Меня достала эта игра теней! И тут-то во мне все вскипело. Ярость, злость, гнев переливались через край. Я выкинула ведро и побежала, яростно крича ругательства.

Мой паровоз сорвало с рельс, забыв о своем намеченном пути, он, сломя голову и выкидывая клубы ругательств, нес-

ся к лугам за убегающим человеком. Этот человек, возможно, тот самый, что сидел на крыше позавчера. Я думала, что схожу с ума, все из-за этого поганца! Если я его догоню, а я его догоню, я буду очень жестокой! Не важно, что он больше и выше меня, во мне сейчас столько адреналина. Водись у нас мамонт, я уложила бы его одной левой. Ветровка развевалась на ветру, как парус корабля. Ноги с тяжестью ударялись о мокрую траву. Вечерняя прогулка. Думаю, спать я сегодня буду хорошо, ибо никакие кошмары меня не будут мучить. Я догоню и выбью из него всю правду и дурь заодно. К счастью, обстоятельства на моей стороне и ни о какой совести говорить не приходится. Правда тоже на моей стороне.

Силуэт набирал обороты. Я видела его спину, видела на нем черную бейсболку, видела черные спортивные штаны и даже различала их марку. Черная спина растаяла в зеленом горизонте, уходя в овраг, тут-то я смогу его нагнать. Я тоже добежала до этого оврага, в который он кинулся. Не знаю, какие силы несут меня, я кинулась вниз.

Вдруг моя галоша скользнула по мокрой траве, не слушая меня, и меня сорвало с рельсов. Все тело согнулось в страшной геометрии, и локоть сильно приложился о землю. Глаза закрылись автоматически, и обострились остальные чувства. В ушах стоит свист, тело гудит от кочек, ударяющихся в бок, а в голове поднялся настоящий ураган. Вот-вот и из меня вырвется непереваренная еда. Я обо что-то ударилась. В грудь врезалось нечто тяжелое, выбивая из меня кислород.

Кто-то выругался. Все потускнело. Что-то прижало меня к себе, и обороты прекратились. Потихоньку ко мне возвратились чувства, и я стала открывать глаза, опасаясь, что сейчас вишу на какой-нибудь ветке, какого-нибудь дерева, которое неожиданно выросло на дне оврага. К счастью, в действительности картина была куда приятнее. Передо мной лежал тот самый незнакомец, которого я пыталась убить пару минут назад. Его рука была подо мной, а нога на мне. Картина не из лучших.

– Эй, ты! – вскочила я, откидывая его ногу. – Ты что, черт тебя подери, делал у нас в огороде?

– Яблоки воровал, – быстро ответил мне хрипловатый низкий мужской голос.

– Яб... яблоки воровал? – сбил меня с толку такой ответ. Я ожидала, что грянет буря, что будет допрос с пристрастием.

То есть как так? Он так просто признался? Какие яблоки? Он же следил за мной! Что за очевидность такая?! Не может этого быть! Он лжет!

– Да, яблоки, у ваших соседей, – абсолютно равнодушным голосом сказал незнакомец, будто так и должно быть. Все должны воровать яблоки друг у друга.

Что вообще за ересь? Какие, к чёрту, яблоки?! Какие соседи?!

– Чем докажешь?

– Эм... Ничем.

– И часто ты так воруеть? – покосилась я на него. Вдруг и

к нашим яблокам у него руки потянутся, нужно быть насто-
роже. Своровал один раз, сворует и двадцать раз, и неважно
где и что.

– А часто ты вот так набрасываешься на людей? – съязвил
незнакомец.

Он язвит мне? Да как он смеет? Он совсем страх потерял?
Голову ушиб при падении?

– Так, ты, воришка, давай-ка ты не будешь меня обманы-
вать и язвить. Признавайся честно, что ты делал у нас в ого-
роде?

– Я был не в вашем, – поднял тон он.

– Так, нам с тобой не о чем говорить. Я не люблю, когда
мне лгут. Я пошла.

Какое-то непонятное разочарование и смущение заставил
почувствовать меня этот незнакомец своим ответом. Опять
мои фантастические мысли оказались лишь плодом моего
воображения. Я снова напридумывала себе всяких опасно-
стей и тайн, а в итоге все оказалось проще простого. Яблоч-
ный вор. Как так? Он же должен следить за мной. Не так ли?
Или это уже перебор. И как он понял, какой из двух огоро-
дов мой? Мои размышления прервали его оправдания.

– Мне захотелось подкрепиться. Яблоки – то, что нужно,
они, конечно, были кислыми, но мне хватило. Я не думал,
что в такое позднее время за мной кто-то погонится, а потом
кинется на меня сверху.

Я ничего не хотела слышать. Никаких оправданий, ника-

кой лжи. Это насилие над моей душой и моими ушами.

Поднявшись с земли, я снова рухнула обратно. До искр из глаз заболела левая нога. Кажется, я её ушибла при падении. Только этого не хватало – застрять в овраге посреди ночи с больной ногой и странным вороном яблок. Идеально. Фантастика.

– Тебе помочь? – предложил свою помощь воришка.

– Нет, спасибо, посижу чуток и пойду домой. А ты иди уже дальше, нечего тебе тут делать. Наелся, теперь иди своей дорогой, – отмахнулась я от него.

Вот еще чего удумал, сначала яблоки ворует, потом ноги мне ломает, а теперь помощи предлагает? Голова подсказывает, что обмен честный, но я отогнала эту мысль.

Неожиданно для меня мое тело поднялось вверх. Вот это поворот. Ну ладно, пускай попробует вытащить меня из этого оврага. Склон крутой, а трава мокрая, вряд ли у него что-нибудь получится. К тому же я не из тех маленьких хрупких девочек, которые весят меньше пятидесяти килограмм.

Но не смотря на все обстоятельства, совесть и страх, которые почему-то решили проснуться именно в этот неловкий момент, стали надоедливо шептать разную чепуху. Одна сторона говорила, что я слишком тяжелая и что пару минут назад чуть не прибила этого бедного парня, а вторая сторона боялась, как бы меня не затащили куда-нибудь и не убили там. В итоге я решила, что пора всю эту ерунду прекращать.

– Так, оставь меня, я сама дойду, – стала брыкаться я и

в итоге полетела вниз. Удар о землю. Снова боль. Гордость иногда нужно умирять.

Как же чертовки больно! Нужно постараться как-нибудь доковылять на одной ноге до дома и попытаться забыть этот ужасной день. Несмотря на травму, я не намеревалась сдаваться вот так просто. Но мои попытки поднять свою тушу и каким-нибудь образом встать вряд ли увенчаются успехом. Мне нужно за кого-то держаться, чтобы как-то доковылять до дома.

Незнакомец, ухмыляясь, смотрел на меня сверху, я же в свою очередь сидела на земле, ругалась и старательно пыталась поднять себя. Неудачный день. Зачем я только за ним погналась?! Всё равно это оказался обычный воришка.

– Мне кажется, или тебе всё-таки нужна помощь? – с весьма довольным лицом предположил он.

– Какой ты догадливый, – решила съязвить я. Мои попытки добраться до дома все равно не закончились бы успехом. Мне нужна помощь, и что бы у него не было на уме, придется довериться, или я не попаду домой.

Незнакомец подошел ко мне, нагнулся, чтобы приподнять меня, и в этот момент я увидела на его шее какой-то рисунок, видимо, это татуировка. Это был какой-то бирюзово-фиолетовый цветок, похожий на кувшинку. На цветке татуировка не заканчивалась, она спускалась зеленым стеблем в его воротник. Не думала, что парни делают такие татуировки. Случайно я посмотрела на его лицо и увидела серо-голубые гла-

за, пристально наблюдающие за мной. Это смутило меня, и я отдернула голову от него. Не уверена, что именно заставило меня в этот момент покраснеть – его взгляд или то, что меня поймали с поличным. Наверное, и то, и другое.

– Я так понимаю, ты живешь в том крайнем доме? – указал он на наш дом.

– Да. Не стану спрашивать, откуда ты это знаешь, воришка. Хватит дурацких оправданий на сегодня, – как можно презрительнее пробубнила я.

– Не понимаю, почему ты так злишься на меня? Это было всего один раз. Успокойся уже, – вышел незнакомец из себя, и я почувствовала, как его тело напряглось.

Мне жалко яблоки своих соседей? Совсем нет. Как-то бабушка сама через дырку в заборе собрала несколько вкуснейших соседских яблок и поделила их между нашей маленькой семейкой. Да и я никогда не была ярым активистом в борьбе с ворами на чужих огородах, мне всегда был важен только мой. Но правда, которая скрывается за злостью, думаю, тоже не подойдет.

Если честно, в этот момент мне хотелось его укусить. Я бы с удовольствием откусила ему ухо, чтобы не выпендривался. Также мне, великий и умный человек. Яблочный вор. Но стоит признать, что во мне говорит не честность, а мое поражение и обида. Я ожидала от него большего. Думала, что он следит за мной, думала, что «он» и есть оправдание всех моих проблем, а оказалось все намного проще. К тому же в

его кармане лежали те самые яблоки. Хотя я и была одной из высоких в своем классе, этот парень был выше меня на полторы головы, да и с его атлетическим телосложением я могла бы в счёт моего молчания заставить его нести меня на себе. Но это был бы перебор. Нужно извиниться перед ним за свою грубость.

– А что ты тут развыпендривался? – не совсем то, что я собиралась сказать. Моя гордость никогда не даст мне наладить общий язык с окружающими людьми.

– Ты со всеми так себя по-хамски ведешь? Могу поспорить, что у тебя нет друзей с таким-то характером.

А вот это уже больно. Больно внутри, ведь он оказался прав. Правда, я не со всеми такая, как с ним, ведь не все мои друзья по ночам в чужих огородах яблоки воруют. Но и друзей у меня далеко не целая куча.

У меня никогда не было большой компании, с которой можно потусоваться, сходить куда-нибудь или просто собраться и посмотреть фильм. Я всегда завидовала тем, у кого много друзей, тем, кто на выходные ездил за город отдыхать на природу или точно знал, что его лето никогда не будет похоже на мое.

"Могу поспорить, что у тебя нет друзей с таким-то характером".

– Может быть, и нет, – шепотом сказала я.

– Что прости? – переспросил он.

– Мысли вслух.

– Ты живешь здесь? В Иоково? – спросил он, когда мы подходили к деревне.

– Нет, сюда я приезжаю на каникулы к бабушке с дедушкой, – ответила я ему. Весь сарказм и вредность выветрились из моего голоса.

– А где обычно живешь, когда не кидаешься на людей сверху? – с усмешкой в голосе спросил он.

– Обычно я живу в Тетюшах. Там же учусь. А ты откуда? – поинтересовалась я у него.

Я не люблю идти с человеком в тишине, поэтому из приличия спросила у него об этом, а не из каких-то побуждений. Это был обычный человек, который провожает меня до дома.

– Я живу в Казани, а на выходные приезжаю сюда, в Красную Звезду.

– Ты живешь в Красной Звезде? – оживилась я.

В детстве мы много мистического приписывали этому скрытому за темным лесом месту. Казалось, что там, за корявыми деревьями, в гуще леса, в старых заброшенных домах живут злые духи. Думаю, это единственное место, где мы с Максом не были, ибо страх перед этим местом никогда не позволял нам зайти в глубь.

– Да, там. В Красной Звезде всего один дом, и это дачный дом моего отца. Летом я живу там со своими друзьями, а в остальное время за ним присматривают наши родственники из Жуково.

– А... приведения у вас там есть? – осторожно, чуть слышно спросила я.

– Приведения? Лично я их не видел, но бывали у нас такие моменты, когда двери сами собой открывались или вырубало электричество. А еще у нас на кухне быстро портятся продукты, – произнес он своим низким хриплым голосом. Но то была не противная хрипота после курения, а скорее какая-то завораживающая и притягательная хрипота рассказчика.

– И как же вы там живете? Вам не страшно? – удивленно спросила я.

– Иногда если только, когда остаешься один. Но летом нас бывает очень много, поэтому бояться нечего. Мои предки жили там издавна, и если это они творят такую чертовщину, то мне нечего бояться. Тем более нужно бояться не мертвых, а живых.

– Да уж. Весело.

Теперь всю мою голову заняла новость о Красной Звезде и её странностях. Нужно будет еще что-нибудь у него вытянуть. Скорее бы прийти домой и написать Максу, он будет рад новостям о самом таинственном месте этого края. Надо же, я познакомилась с жильцом Звезды, о которой так часто думала в детстве. Помнится, дедушка говорил, что там всего один жилой дом, но кто же знал, что на хозяина этого дома я брошусь с кулаками, обвиняя его в воровстве.

– А у вас там красиво? – спросила я.

– Да, очень. Мне вообще кажется, что наши края самые

красивые. Не знаю, может быть оттого, что это наши родные края, но всё-таки они самые красивые.

– Да, – воскликнула я. – Я с тобой полностью согласна. Иногда я подолгу наблюдаю за тем, как садится солнце, как это место преобразается после дождя, как ложится первый снег на поля.

– Вот-вот! – оживленно поддакивал мне незнакомец. – Кстати, как тебя зовут?

– Люся, – вылетело у меня.

Что? Что это за чертовщина? Наверное, лгать незнакомым парням по поводу имени уже на корке мозга закрепилось. Я так часто делаю, когда случайно знакомлюсь с неприятным мне типом. Но этот парнишка хоть и не казался мне неприятным, всё же не внушал мне глубокого доверия. Да к тому же мы с ним видимся в первый и в последний раз.

– А тебя как? – спросила я у него.

– Елизар.

– Красивое имя. Необычное.

Никогда не слышала такого имени. Должно быть очень редкое.

– Люся тоже красивое имя. Ласковое и доброе, – повернул он голову в мою сторону, но я отвернулась от него, потому что меня душил смех.

Бедный незнакомец хочет показаться воспитанным и мастером по обольщению дам, но произносит и восхваляет не то имя. Боже мой, как бы не рассмеяться во всю силу. "Лас-

ковое и доброе".

Но, слава богу, он отвернулся и не видел моего скошенного лица. Пользуясь случаем, я решила рассмотреть его лучше. У него острые выпирающие скулы, на щеках «трехдневная» щетина, остальное я не стала разглядывать, так как боялась, что мой пристальный взгляд будет обнаружен. Хватит с меня на сегодня неловких ситуаций.

– Ну вот, мы дошли, – облегченно произнесла я, когда мы дошли до угла моего дома, рядом с которым росла липа.

– Дальше справишься сама? – спросил он.

– Да, конечно. Не волнуйся, – заверила его я. – Ох, черт! Я же оставила ведро в поле, когда погналась за тобой. Не мог бы ты его принести?

– Конечно, – воскликнул он и помчался по моим старым следам к ведру.

Елизар принес ведро и, обменявшись дежурными фразами, типа «рад был знакомству» и «пока», я зашла домой. Когда дед услышал, что в сенях кто-то скачет, прибежал на помощь. Я рассказала ему все, что успело произойти со мной за последний час, о незнакомце, которого я поймала и которого сбила с ног, когда скатывалась в овраг, тоже. Рассказала, что он помог мне дойти до дома и ушел домой в Красную Звезду. Дед, мягко говоря, потерял дар речи. От меня он такого не ожидал. Со словами "вся в бабушку" он попросил меня сесть на стул и дать посмотреть ногу.

– Посмотри, бабушка не идет? – скомандовал он.

Я, как подобает всем послушным детям, конечно же, оглянулась. В это время раздался неприятный слуху хруст, и по телу пробежал электрический импульс.

– Вывих... был, – усмехнулся дед и пошел спать.

Странная у меня семейка.

Под одеялом тепло и уютно. Никакие монстры тебя не похитят, пока твои ноги целиком закрывает мягкий, почти воздушный козырек. Проблемы прошлых дней сегодня куда-то исчезли и никаких страхов я уже не испытывала. Возможно, это из-за того, что я в очередной раз убедилась, что все придумала. Проблема с таинственным незнакомцем разрешилась сама собой. Как оказалось, тот человек, что пугал меня, был обычным парнишкой, ворующим яблоки у наших соседей. Скорее всего, тень на крыше была обманом, иллюзией непроснувшегося человека, а все остальное разрешилось само собой. Вот только мне не дает покоя мысль о волках. Были ли они на самом деле? Что было в то утро? Мираж? Обман зрения, фантазия или правда? Зря мы с Максом не прочесали ту местность. Сейчас я жалею об этом. Скоро придет Максим, но, скорее всего, уже поздно, ведь следы давно смыло дождем и вряд ли среди зарослей камыша незыбкая почва.

А этот Елизар, на которого я свалилась точно снег на голову, неплохой собеседник, за исключением его проступка в огороде. Он слишком самоуверен в себе. Да и что о нем ду-

мать, ведь он больше не появится в моей жизни. Завтра меня ждут дела после нескольких дней отдыха. Огород зарос, грядки нужно прополоть, пока земля не стала похожа на гранит. Эх, обычные смертные хлопоты. Чем они не прекрасны?

Утро. Сегодня выпускной у Макса. Увы, но я не смогу присутствовать на нем и поддержать его в этот важный день. Да и стоит ли? Скорее всего, у него и без меня будет много хлопот и без моих слов будет сказано много. Я уверена, что он будет самым неотразимым, ведь он мой брат, а я его сестра.

Мои ожидания по поводу жаркого солнечного дня не оправдались, да и хорошо. Я не очень-то и люблю солнечную погоду. По мне идеально – это когда грозы и дождливо. В такие дни можно посидеть около окна в шерстяных носках и в большом дедушкином свитере с чашечкой горячего травяного чая с ягодами. Я люблю уют, люблю большие теплые вещи. На улице идет дождь, стуча по оконному стеклу, а ты сидишь и мечтаешь о том, что там за далеким горизонтом, о романтике, о королях на черных конях и счастье.

Бабушке с самого утра нездоровилось, она то и дело забегала в мою комнату за тонометром, затем грохотала на кухне. Дедушка тоже вел себя странно. В последнее время он стал каким-то хмурым и мрачным. С чего бы это? Сенокос окончен, а огород и раньше чуток зарастал после дождей, и ничего, все выпалывали. С лошадью все хорошо, жеребенок в порядке. Это мрачное обеспокоенное настроение передалось и мне, от меня то и дело ускользал смысл прочитанных мною строк в романе. Я пробежала глазами по строчке, а в

голове крутились совсем другие мысли. На мои расспросы старики отвечали положительно, будто все хорошо, и они в порядке, но я-то видела, что что-то не так.

Сегодня я поняла, что если погода вечером улыбается, это вовсе не значит, что завтра не будет дождя. Не быть мне метеорологом. У погоды свои планы и настроение.

За окном медленно качались из стороны в сторону старые тополя и березки, по оконному стеклу барабанил дождь. Жалко, что погода подкачала, ведь на выпускном хочется, чтобы светило солнце, но я надеюсь, что выпускникам это не помешает.

Попытки сосредоточиться на книге не увенчались успехом, слишком много мыслей. Отбросив книгу в сторону, я засунула наушники в уши и удалилась мысленно из этого мира, пока на мое плечо не легла рука бабушки и не привела меня обратно.

– Мне кажется к тебе пришли, – кивнула она в сторону окна, выходящего на улицу.

– Пришли? – удивленно переспросила я и встала с кровати, оставляя телефон и наушники.

Напротив дома, около сада на скамейке, сидел какой-то человек, укутанный в теплую черную куртку. На голове незнакомца была бейсболка, а из ушей торчали белые науш-

ники. Но мое внимание привлекли рисунки на его шее – сине-фиолетовая кувшинка. Такое я уже видела. Видела... вчера!

– Ему что тут нужно? – удивилась я, узнав в пареньке своего нового знакомого Елизара.

– А кто это? – полусшепотом спросила бабушка, не отводя глаз с молодого человека.

– Помнишь, я утром рассказала, как вчера догнала одного парня, который из нашего огорода вылезал? – обернулась я к бабушке с недовольным лицом. – Так вот, знакомься – яблочный вор.

– Это он? Никогда его раньше не видела. И чего он сидит и ждет? – удивилась она.

– Наказания, – прорычала я.

На самом деле, пусть Елизар и выглядел по современным меркам очень круто, мне совсем не хотелось с ним да и вообще с кем-то разговаривать. Этот день я представляла в горизонтальном положении у телевизора или с книгой в руках. Что же придумать? Не выходить? Но тогда бабушка сама выйдет на улицу и начнет у него про все расспрашивать, а соседи да и другие бабки, увидев его перед нашим домом, начнут распускать самые нелепые слухи. Нужно его как можно быстрее увести от нашего дома.

– Теплую куртку не забудь, – выходя из моей комнаты, сказала бабушка.

Ничего себе. Это что она за меня решила, что мне делать,

или мысли прочитала? Удивляюсь своей семейке.

– Привет! – встал Елизар со скамейки, когда я выкатилась в теплом обмундировании на улицу.

– Ну-ка быстро отсюда! – не дожидаясь его, скомандовала я и, хромя левой ногой, полетела в сторону лугов за деревню.

Нужно удалиться как можно дальше от деревни, чтобы эти любопытные вороны не увидели нас. Да и он приплелся прямо к дому и еще сел на скамейку напротив! Ещё бы плакат с собой взял и на крыльцо к нам залез! Уф, как можно быть таким тупым? Все планы обломал! Небось, какая-нибудь бабка уже думает над тем, какую гадость сочинить обо мне, и вспоминает о случайно застуканном со мной странном незнакомце.

– Я, конечно, понимаю, что всякое бывает, но куда ты от меня бежишь? Можешь поделиться тайной? – крикнул сзади он.

Учитывая мою больную ногу и мою слабую физическую подготовку, я всё равно оторвалась от него на приличное расстояние, а он ковылял вразвалку сзади.

– Ты что орешь? Ты что орешь? – прошипела я, оглядываясь в поисках какой-нибудь бабки. – От огородов я тебя подальше веду. Вдруг у тебя опять голод проснется.

– Ничего себе придумала, – усмехнулся он.

– Давай скорее, – сквозь зубы процедила я. – Догоняй ме-

ня. Что как хромая собака бежишь?! Сейчас дойдем до безопасного места и отдохнешь!

Чем больше движений я делала, тем больше он меня злил. Сегодня я была настроена не шевелиться. Уф!

Мы зашли за холм и, спустившись ниже к речке, я наконец-то остановилась. От пройденных мною полушагов левой больной ногой я ужасно вспотела, да к тому же бабушка накинула на меня всю теплую одежду, какая только была в доме.

– Теперь я совсем не удивляюсь тому, каким образом ты умудрилась вчера догнать меня. Ты, оказывается, тот еще сайгак, – откинулся на траву Елизар и расстегнул куртку.

– Зачем пришел? – косо посмотрела на него я, но расстёгиваться, как он, я не собиралась. Попотею-попотею и перестану.

– Хотел поинтересоваться, как твоя нога. Ожидал теплого приема, а не пробежки. Как ты вообще против ветра так быстро шла?

– Шла, как шла. Как обычно. А нога благодаря тебе была вывихнута. Дед вправил, – все еще кипела я от злости. – Это все? Больше ничего не нужно?

– Ну... Я как-то рассчитывал на близкое знакомство, на разговор, – замялся яблочный вор.

– Я сегодня не настроена разговаривать. Я хотела... – не говорить же ему, что хотела просто в потолок плевать. – Я

собиралась физику почитать, – выпалила я, что первое на ум пришло.

– Физику? – удивился он. – Ты увлекаешься физикой? Круто, я ведь в техническом учусь. Что ты можешь сказать об опыте Резерфорда?

– Об опыте Резерфорда? – промямлила я. – Ну... я читала... хотела сегодня подробнее его изучить. – всю резкость и колкость из меня будто кувалдой выбили. Сильно, больно и быстро.

– Очень интересный опыт, – широко улыбнулся он.

Раньше я не всматривалась в его лицо, но сейчас мое внимание привлекли его пухлые губы и ровные зубы, которые сверкали, как в рекламе жевательной резинки. Эх... сейчас бы так и дала по ним своей тяжелой галошей за то, что издается тут надо мной со своим опытом Резерфорда. Да что это вообще за опыт такой? Откуда мне знать, что там он испытывал?! Зато, в отличие от всяких там физик с её опытами, я прочитала много книг по литературе и многих писателей знаю. И вообще...

– А что ты в последний раз читал? – наклонилась я в его сторону, положив руку на бедро.

– Меня поймали с поличным. Я не люблю читать, – покачал он головой, – но зато я разбираюсь в физике.

– А что там этот Резерфорд пытал? – сдалась я. Рано или поздно мою «шарашкину контору» раскрыли бы.

– Он никакого не пытал, – засмеялся Елизар. – Он... он...

черт. Прости, я не помню, что списывал со шпаргалки в универе. Оставим Резерфорда в покое. Кажется, у него удался эксперимент, который позволил заглянуть в атом и узнать о его строении.

– Давай не будем об учебе. Я думаю, ни тебе, ни мне не хочется на каникулах вспоминать о ней, – предложила я выход из сложившейся ситуации.

Яблочный вор лишь усмехнулся и задумался. У него была бледная кожа, порозовевшая от холода, из-под бейсболки выбились угольно-черные волнистые волосы, стрижка стиля "а-ля хипстер" с выбритыми висками. Никогда мне не нравилась эта прическа. В школе все бреют виски и оставляют себе хохолки сверху. Из-под черных густых бровей выглядывали узкие серо-голубые глаза, а на щеках, как и вчера, виднелась черная щетина. У него были длинные пышные ресницы, я бы посмеялась над ними, назвав их коровьими, но не стану. Татуировка с шеи переходила ниже под одежду. Что же у него там? На среднем пальце правой руки кольцо с черным крестом.

– А знаешь, погода сегодня удивила меня, – прервал паузу он.

– Удивила? – переспросила я.

– Да, удивила. Я ожидал, что будет солнце, а тут...

– Да, я тоже ждала этого. Но, увы, не все наши капризы исполняются, – выдохнула я и плюхнулась рядом с ним на

траву. Благо на мне была длинная теплая куртка, позволяющая сидеть на земле и даже спать. – Но мы сами кузнецы своего счастья.

– Сами? Прости, но я так не считаю.

– То есть, как это так не считаешь? – удивилась я.

– Я склоняюсь к мысли, что наши судьбы уже предначертаны и действовать не обязательно. Все будет так, как должно быть, и никакие наши старания не изменят нашей судьбы.

– А я не верю в судьбу, – отрезала я. – Да, есть что-то подобное, но мы – это судьба. Не нужно приписывать все проблемы и невзгоды на какую-то неизвестную судьбу, если сам еще палец о палец не ударил. Нужно действовать...

– Или умирать. Я тоже слышал эту песню.

– Я не про песню. На самом деле, нужно рвать все и выдирать свое счастье, а не ждать, пока придет какая-то таинственная судьба, потрясет за плечо и скажет: "Бери".

– То есть ты считаешь, что смерть тоже подвластна нам? – спросил Елизар и выгнул вверх левую бровь.

– Смерть – другое дело. Смерть – это наша плата за счастье. У любого счастья есть цена, и эта цена – жизнь. Кто-то успевает довести дело своей жизни за половину отведенного ему срока, а кто-то, так и не найдя своего пути, живет, как прыщ на лице общества.

– А что же, те великие люди, которые дожили до старости, – прыщи?

– Нет уж, ты что?! Есть исключения.

– А кто ты? Исключение или нет?

– Прости, но я не думаю, что это хороший вопрос.

– Я всё равно не считаю, что ты права. Всем управляет судьба. Я удостоверился в этом. Сколько не беги, но от судьбы всё равно не убежишь.

– Быть может, ты и прав, но что бы с нами ни случилось – это все к лучшему. Все трудности закаляют, а боль делает сильнее. После черного всегда идет белое, – с неким вдохновением в голосе произнесла я.

– А за белым черное, – мрачно добавил он.

– А за черным белое, – настойчивее сказала я.

– А за белым черное, – снова повторил он.

– А за черным белое. Да что ты за пессимист такой? – вышла из себя я.

– Я не пессимист, просто жизнь такая.

– Жизнь?

– Да, за мои двадцать лет я почувствовал то, что некоторые так никогда и не почувствуют и, знаешь, я все еще продолжаю танцевать, – улыбнулся он. То была наигранная и фальшивая улыбка. – Так что, Люся, я не пессимист, – развел он руки в стороны с лицом полным блаженства.

– Знаешь, мне нужно тебе кое в чем признаться. Наверное, это прозвучит странно, но, – выдержала я паузу, собираясь силами, – меня зовут не Люся, а Кристина.

– Не Люся? Ты соврала мне? – нахмурился он.

– «Соврала» – это громко сказано, но в общем так оно и

есть, – засмеялась я.

Елизар расхохотался, что-то бубня себе под нос. Его бледное лицо покраснело.

– Так меня еще не смешили, – разобрала я в его истерическом вопле.

– Ну вот видишь, какая я уникальная.

– И много у тебя еще таких уникальностей? – успокаиваясь, спросил он.

– Не знаю. Я не считала их, – усмехнулась я.

– Кристина, черт, – пытался он унять свой смех.

– Знал бы ты, как мне было тяжело сдержаться, когда ты восхищался именем Люся. Я думала, что мне придется зажать рот рукой, – засмеялась я.

Эти слова вызвали в Елизаре новую бурю эмоций и громкого смеха. В какой-то момент меня начал пугать его смех – уж слишком громкий, как бы из деревни не сбежались люди.

– Если бы Бог существовал, он бы наказал тебя за то, что ты заставила меня так мучиться от смеха, – отряхивая парку, сказал Елизар.

– Что значит если бы? – удивилась я.

– Ты считаешь, что Бог существует? – удивленно посмотрел на меня Елизар.

– Да, конечно, – возмутилась я. – А ты так не считаешь?

– Нет, – отрезал невозмутимым тоном он.

– Ты что?! – возмутилась я.

– А что в этом такого? Ты думаешь, если Бог существовал

бы, он давал бы умирать невинным людям? Или, быть может, ты хочешь сказать, что Бог спокойно смотрит, когда кто-то убивается по своему любимому человеку?

– Я не говорю про Бога, как про физическое лицо, я имею в виду того, кто незримо прячется в нашей голове. Скорее всего, я склоняюсь к тому, что Бог один, а пути к нему через религию разные. Я не могу назвать себя верующей, но я уверена в существовании какой-то высшей силы, движущей всем.

– Я так не считаю, прости. Учитывая открытия в биологии, физике, химии, я склонен думать, что ничего такого нет.

– А как же эволюция?

– Это биология.

– А кто вдохнул жизнь в наш мир? Что заставляет клетки делиться? Что заставляет мертвые, неодушевленные частицы создавать живой организм? Не Бог ли это? Да, это явно не тот Бог, который спускался с небес или которому молятся в церквях. Но это же удивительно! Люди возвращаются из комы, кто-то брошенный судьбой и обиженный жизнью вдруг находит свой путь и расцветает, становясь сильным. Это и есть наш внутренний Бог – наша вера.

– Возможно, в твоих словах есть доля правды.

– Тем более если бы с нами не происходило ничего плохого, стали бы мы чистыми и добрыми? Я думаю, нет. Мы бы зачерствели в счастье и не радовались бы простым вещам, как, например, желтеющие деревья, хотя в какой-то степе-

ни – это смерть. Стал бы ты радоваться солнечному дню, если бы не существовало дождей, а снегу ты был бы рад? Это и есть чудо. Это и есть вера. Мы должны верить, чтобы существовать, и иметь хоть какой-то, пускай даже незримый смысл жизни.

– Ты интересный человек. Но что ты скажешь про новорожденных детей, которые умирают на руках родителей?

– Это сложно. Но, быть может, это какой-то баланс? Или же эти дети могли избрать дальнейшую жизнь, полную страданий, или уйти в мир намного светлее, где они будут счастливы. А родители просто должны это пережить, – прошептала я.

– В таком случае было бы хорошо, если бы существовал рай, потому что негоже чистым детям торчать в некрасивом месте, – улыбнулся он и встал на ноги. – Ты не против чуть-чуть прогуляться?

– Не против, – поднялась я и пошла за ним.

Мы медленно плелись по лугам, обсуждая разные религии мира, видения ада и рая. Елизар казался мне человеком более приземленным, нежели я. Во время нашей беседы мне казалось, что Елизар оставил всю свою веру в будущее где-то позади и сейчас лишь плывет по течению. Такая позиция в жизни кажется мне самой ужасной. Ты живешь день за днем, следуя привитым обществом стандартам, исключая из своей жизни основные эмоции. Такая идеология подходит для уто-

пии, но то был бы мир серости и однообразия с фальшивым счастьем. Существование такого мира просто невозможно, потому что найдутся люди, которые будут видеть мир иначе и стандарты общества будут им чужды.

– Кристина, у тебя умирал кто-нибудь близкий? – задал неожиданный вопрос Елизар.

– Не думаю, что хотела бы об этом говорить, – нахмурила брови я.

– Нет, просто скажи "да" или "нет".

– Нет, – коротко ответила я.

– Ясно. Прости, что начинаю такую грустную тему, но мне хотелось бы знать, что такой, как ты, оптимист, думал бы, столкнулся он с такой проблемой.

Я задумалась. Мне нечего ответить. Я даже представлять боюсь, что было бы со мной. Я даже не хочу представлять это. Нет, нет, нет!

Я уязвима в этом плане. Мы все уязвимы, когда дело касается близких. Эти мысли всегда причиняли мне невыносимую боль. Бабушка. Я частенько думала о ней. В моей голове часто всплывал вопрос: "Что со мной будет?". Я души не чаю в этом человеке и не представляю свою жизнь без нее.

– Наверное... я не знаю, – пауза. – Я не хочу думать об этом.

– Извини, я не подумал, когда озвучивал такое. Во мне говорили мои обиды на этот мир. Не думай об этом, – изви-

нился Елизар.

– Знаешь, мне кажется, что мои кроссовки совсем не защищают мои ноги от воды, – поднял он свою ногу из травы, показывая пальцем промокший насквозь синий носок кроссовка.

– У тебя промокли ноги? – заботливо спросила я.

Погода не из лучших, и прогулка в такой холод с промокшими ногами может сказаться на здоровье. Небо все еще затянуто пасмурными облаками, а ветер гоняет по полям и лугам холодный воздух. Вот-вот пойдет дождь.

– Да, слегка.

– В таком случае тебе нужно идти домой, пока ты не заболел. Погода испортилась, тебя моментально прихватит.

– Я не тороплюсь. Тем более, я расстроил тебя – заставил думать о грустном. Мой долг поднять тебе настроение!

– Нет, это необязательно. Я быстро отхожу, – лгу. – Я думаю, на сегодня достаточно. Я тоже устала волочить за собой больную ногу. Давай повеселимся в следующий раз.

– Ну-с, если ты так хочешь, то давай. Когда мы снова увидимся?

Никогда. Это слово громко отозвалось в моей голове и чуть было не сорвалось с губ, как только он сказал "когда". Я не хочу его больше видеть. Не нужно. У меня слишком бурная фантазия. Не нужно. Хватит.

– Не знаю, – протянула я. – Завтра у меня ожидается стирка, поэтому я буду занята. Но...

Никаких "но", Кристина. Без "но". Никогда. Я обещала себе.

Лицо Елизара переменялось. Его глаза сузились, в какой-то миг что-то непонятное мелькнуло в них, и он подозрительно посмотрел на меня. Его серо-голубые глаза бегали по моему лицу, пытаясь поймать мой взгляд, но я всячески скрывалась от него, то рассматривая его красивые кроссовки, то наблюдая за его руками и кольцом с черным крестом посередине. В какой-то миг его рука, за которой я следила, поднялась и легла мне на предплечье.

Его лицо. Глаза.

– Все в порядке? Я не обидел тебя? – совершенно серьезно спросил он, и его брови опустились, а глаза сузились.

Мое предплечье горело, и этот непонятный мне жар пополз по телу дальше. Язык заплелся во рту.

– Да, все в порядке. Приходи, как будет время. Только на этот раз жди меня здесь, за холмом, а то из-за тебя мне сейчас предстоит допрос у бабушки, – быстро протараторила я, чтобы скорее отвязаться от него.

– У меня всегда есть время. Мы с друзьями со скуки тухнем в Звезде.

– Ладно, до скорого, мне пора, – оторвала я свои глаза от его гипнотического взгляда и быстро направилась в сторону дома.

На сегодня хватит. Мне нужно отдохнуть от него. Слишком много нового произошло за эти пару часов. Нужно от-

дохнуть.

– И всё-таки все в порядке? – спросил откуда-то взявшийся Елизар. Я вздрогнула от неожиданности. Мы же уже попрощались, или я это пропустила?!

– Все в порядке! Я же говорила, что мне нужно физику штудировать. Помнишь? – усмехнулась я.

– Да, помню, – улыбнулся он. – Тогда до завтра. Завтра поговорим о чем-нибудь умном, как сегодня.

– Хм, и много ты умных вещей знаешь? – подозрительно посмотрела я на него.

– О да! – восторженно кивнул он. – И мне хочется узнать твое мнение.

Все это время мы были похожи на сумасшедших: я, хро-мая левой ногой, летела, как паровоз, в сторону дома, а Ели-зар боком бежал рядом, что-то требуя от меня. А я что?! Я ворчу, как всегда.

– Ладно, выписывай из интернета свои умные мысли, до завтра, – остановилась я, чтобы пожать ему руку, как дела-ют парни. Быть может, это заставит его отвязаться от меня. Надоеда.

– Хорошо, до завтра! – тряся мою руку, проговорил он.

Наконец-то отвязался. Надеюсь, в этот раз он не прибе-жит. На всякий случай я обернулась и увидела, как он без оглядки бежит в сторону Красной Звезды. Ну и слава богу. Хотя в какой-то степени даже жаль. Наверное, если бы он обернулся, это подняло бы мне настроение.

Как и ожидалось, дома ждал допрос. К счастью, без утюга и вкусняшек. Бабушка подошла ко мне первой. Она, как ей казалось, бесстрастно хотела узнать, как я прогулялась. Её допрос закончился только тогда, когда она составила полное досье на Елизара.

А что я знала о нем? Он учится в каком-то техническом университете в Казани, на каникулы приезжает сюда. В Красной Звезде помимо него живут и его друзья. Судя по его одежде и телефону, можно сказать, что он не бедствует. Но стал бы обеспеченный человек приезжать в такое захолустье? Это осталось для меня загадкой. Но больше всего меня смутил вопрос о его внешности – красивый ли он? Не знаю, что и сказать. Да, быть может, по меркам моих одноклассниц он просто шикарен, но в мои стандарты он не вписывается.

После окончания допроса бабушка, хитро улыбаясь, пошла рассказывать все дедушке. Тайные знакомства и личные встречи в этом доме никогда не остаются в секрете.

Конец дня прошел спокойно, без каких-либо неожиданных встреч. Наша веселая семейка сидела в гостиной перед телевизором, не произнося ни слова. Все наблюдали, как Хуан в очередной раз признается Санте–Манте в любви. Я, как обычно, сидела на полу, прислонившись к дивану, рядом с дедушкой.

На деревню опустились сумерки. За окном протяжно выл

ветер, качая тополя и березки. Шел мелкий дождик. Идеальная погода, чтобы почитать какой-нибудь английский роман или просто выпить чашку горячего чая. Но сегодня моя голова занята совсем другим – моим новым знакомым Елизаром, о котором я толком ничего не знаю. Елизар коммуникабельный человек, сама бы я никогда так быстро не наладила контакт с ним. Этот странный человек наполовину умный, а наполовину идиот. Да, идиот.

Перед сном мне удалось выкинуть все мысли о Елизаре и прочитать пару страниц "Джен Эйр", но усталость дала о себе знать намного раньше, чем я предполагала.

Утро. Солнце еще не встало. Луга закутаны в легкий утренний туман, змеей ползущий в оврагах. Природа еще спит.

Что-то толкает меня в спину, и я лечу, быстро преодолевая метр за метром. Что со мной происходит? Что я делаю? «Беги, ты должна успеть».

Оглядываюсь назад – отдаляющийся дом моей бабушки. Зачем я бегу от него? Мне нужно бежать обратно! Домой! Старики будут ругаться! Будут волноваться!

Ноги с тяжестью ударяются о землю, дыхание становится тяжелым, голова снова гудит. Куда я бегу? Перед глазами появляется образ Красной Звезды. Это угрюмое место зовет меня к себе.

«Нужно бежать быстрее. Ты не успеешь». Со мной разго-

варивает лес? Что происходит?

Яркая красная вспышка. Солнце восстало из темноты. Рассвет. Начало нового дня. Утро – это рождение чего-то нового. Солнце – это тепло.

"НЕ УСПЕЛА!" – раздался громкий наполненный болью крик в моей голове.

– Кристина, вставай, – услышала я ласковый голос бабушки. – Мы с кукашейкой идем на рынок. Я белье начала стирать, а тут Зойка звонит, говорит, что рынок уже приехал. Достираешь оставшиеся вещи, хорошо? Дед все дела сделал, поэтому не волнуйся. Мы после рынка, скорее всего, к тете Соне зайдем, у них с мужем сегодня годовщина.

– Хорошо, – сонным голосом протянула я, пытаюсь сообразить в какой реальности сейчас нахожусь.

– Чайник только что вскипел. Покушать в сковородке.

– А сколько сейчас времени? – поинтересовалась я.

– Десятый час.

– Десятый час? – вскочила я. – Ничего себе меня сморило.

– Да. Сегодня ты что-то не торопишься просыпаться. Да и погода на улице неважная. Ладно, мы ушли, – сказала бабушка, пропадая в дверном проеме.

Раз в неделю в Иокowo приезжают автолавки с продуктами, бытовой химией и иногда с одеждой. Хотя в селе и был свой магазин со всем необходимым, бабки всё равно спускались к центру деревни, чтобы узнать что-то новое и передать

что-то свое. Это чем-то походило на своего рода светский вечер, хоть и проходило днем на улице.

Медленно поднявшись с кровати, я всмотрелась в окно. На улице опять бушевал ветер и моросил дождь. Интересно, Елизар придет в такую погоду. Вот черт! Мы договорились с ним встретиться на лугах, но ведь мы даже не договорились о времени. Скорее всего, он опять заявится прямо к дому, если вообще придёт. Быть может, он вчера специально не сказал о времени, потому что на самом деле не очень-то уж и хотел встретиться со мной. Во время наших разговоров я то и дело перечила ему, злилась, ругала его за что-то. Кто захочет повторно пережить такое? Правильно – никто.

Заправив постель и зарядившись энергией, я вышла в огород, где меня ждало все еще не выстиранное белье. Бабушка была права, когда сказала, что его немного. Обычно она частенько ошибалась, когда говорила, что там маленечко, а на самом деле меня ждала огромная куча белья.

– Вот ты где? – раздался мужской голос за моей спиной. От страха я даже подпрыгнула.

Это снова был он. Он всё-таки пришел. Позади меня, на тропинке между грядками, стоял Елизар. Сегодня он был одет по-спортивному, в непромокающих кроссовках, на голове та же бейсболка.

– Снова за яблоками? – сердито спросила я, приложив

максимум усилий, чтобы не улыбнуться.

– Да, за яблоками. Есть хочется ужасно, а дома в холодильнице мышь повесилась, а на них у меня аллергия. Пришлось оставить её ребятам, – усмехнулся он и подошел ближе.

– Ясно. Ну что ж, бери. Этих яблок всё равно нам будет мало, поэтому мы поедem в Сумароково, когда там созреют сады. Хочешь, можешь вишню попробовать, – указала я на дерево рядом.

Я споласкивала одежду под большим навесом без стен, который сделал дед, над большими корытами с водой. Тут же была скамейка для удобства и много одежды и обуви для работы в огороде. От чужих глаз нас скрывал соседский гараж.

– Я смотрю, ты побрился, – заметила я изменение в его внешности. Сейчас он казался на год моложе.

– Да, вчера Света все уши прожужжала.

– Кажешься малолеткой, – усмехнулась я.

– Вот именно. Поэтому-то я и не люблю бриться, – проворчал он.

– Не слушай её. А вы с друзьями одни живете в Красной Звезде?

– Да, без взрослых. Иногда к нам приезжает мой крестный, папа моего друга Игоря. Он командует нами, а в остальное время командующая Маша, его старшая дочь. В принципе у нас чаще порядок, чем беспорядок. Вот только Звезда плоха тем, что там нет магазина, поэтому приходится либо

ехать в Жуково, либо сюда, когда рыночный день. У парня Маши Сергея есть машина. На ней мы приезжаем на рынок, а в Жуково чаще на мотоцикле.

– Хм, у вас есть мотоцикл? И кто же его водит? – удивилась я.

– Да, старенький Минск. Вожу я, – улыбнулся он. – Давай чем-нибудь помогу, – сказал он и подошел ко мне, когда я выжимала простыни.

Я решила не отказываться от халявной помощи, чтобы дело пошло быстрее. Мне даже стало приятно, что человек вроде Елизара решился помочь мне. Закончив быстренько с делами, я выиграю время, чтобы погулять и поговорить с ним. Бабушка с дедушкой раньше двух часов всё равно не вернутся, поэтому бояться было нечего.

Я споласкивала белье, а Елизар выливал воду и помогал мне выжимать.

– Братан, можно я так тебя буду называть? – обратился он ко мне.

– Да, конечно, будем корешами, – усмехнулась я.

– Нога еще болит? – заботливо спросил он.

– Чуть-чуть. На мне все заживает, как на собаке, – засмеялась я. – Что интересного выписал из интернета?

– Ах да! – поднял он указательный палец вверх и полез в карман.

Елизар достал свой телефон (по яблоку на задней стороне корпуса, я, конечно же, узнала модель) и зачитал:

– "9 привычек, которые могут изменить вашу жизнь. Первая – ранний подъем – я уже так делаю. Вторая – увлеченное чтение – нужно будет начать. Третья – умение упрощать – то есть избавляться от ненужного. Четвертая – замедление. Пятая – тренировки. Шестая – ежедневная практика – пока я не знаю, в чем практиковаться. Седьмая – окружение – люди, окружающие тебя, должны быть энергичными и позитивными. Восьмая – завести журнал благодарностей. И девятая – быть упорным. Ну как тебе?

– Интересные мысли.

– Вот именно. Когда я рассказал об этом ребятам в Красной звезде, они только посмеялись. Все, кроме Светы. Это, конечно, мои друзья, но иногда мне кажется, что они тянут меня вниз. У них нет каких-то стремлений в жизни, их будущее предопределено, но всё-таки можно же что-то изменить, – его тон стал серьезным, я поняла, что пришло время серьезных разговоров.

– По твоим словам, они все страшные дегенераты, – усмехнулась я.

– Нет, не все. Света очень умная, правда она часто зависает с Женей, который особым умом не отличается. Маша стремится стать отличным педиатром, но ей уже двадцать три, и мы с ней не можем называть друга друга лучшими друзьями. А что до остальных, то стоит признать – они дегенераты.

– Вы что там, все парами живете, как на ковчеге? – отдавая

ему последнюю простынь, спросила я.

– Да, все по парам, – кивнул он и принялся выжимать простынь.

– И как же твоя девушка отпускает тебя спокойно ко мне? – удивилась я.

Я бы своего парня не отпускала к незнакомым мне девушкам, если бы не была в нем уверена. Но, наверное, девушка Елизара уверена в нем, да и какая из меня конкуренция?!

– Да, – протянул он, – отпускает. Мы доверяем друг другу. Тем более, мы помолвлены.

Что-то острое кольнуло меня, в горле образовался ком. Небольшими усилиями я отогнала это чувство. Я уже вчера поняла, кто он, а кто я. Так будет даже проще... Намного проще.

– Классно, – искренне сказала я. – А как её зовут?

– Её зовут... – сделал он небольшую паузу, – Арина.

– Красивое имя, – улыбнулась я. – Так, с бельем мы закончили, теперь я свободна.

– Значит можем идти гулять? – спросил Елизар, сливая воду из большой ванны в канавку, предназначенную именно для этих целей.

Хм, он оказывается сильный. Я бы с этой ванной минут двадцать возилась.

– По правде говоря, я ужасно проголодалась, поэтому сейчас съела бы целую тарелку гречневой каши, которая стоит на плите и ждет меня. Не хочешь присоединиться? – обра-

тилась к нему я, молясь внутри, чтобы старики не пришли раньше времени.

– А можно? – удивился он.

– Да, конечно. Бабушка с дедушкой еще не скоро вернутся. Тем более, нужно же мне как-то тебя отблагодарить за помощь.

– Хорошо, я только своим отпишусь, что не приду на рынок. Просто я шел на рынок и по пути заглянул к тебе, – сказал Елизар и отошел на пару шагов.

Я подождала, пока он набирал сообщение и, когда он закончил, мы тронулись в путь к гречневой каше и чаю. Когда мы вошли, Елизар ступал осторожно, с неким стеснением осматривая дом. Наверное, для него необычно наше изобилие ярких цветов, без которых не могла жить бабушка. Надеюсь, я нигде не разбросала своих вещей, а то будет как-то некрасиво приглашать друга в дом с беспорядком. Мама частенько учила меня тому что, если приглашаешь человека в гости впервые, дом должен быть в идеальном состоянии, чтобы оставить у человека хорошее впечатление о себе.

– Садись, – указала я на табуретку, когда мы прошли на кухню. – Тебе котлету положить? Я не ем мясо, предпочитаю кашу с фруктами.

– С фруктами? Ого! Я раньше никогда так не пробовал. Можешь мне тоже с фруктами наложить? – робко сел на стул мой новый друг, оглядываясь по сторонам, убеждаясь, что дома, кроме нас, никого нет.

– Да, конечно. Но вот понравится ли тебе? Обычно все от этого воротят нос, – обеспокоено спросила я.

– Давай! – махнул рукой он. – Так ты не ешь мясо?

– Да, не ем, – хладнокровно ответила я.

Обычно, когда я признаюсь людям в этом, они начинают переубеждать меня.

– Ого! А почему? Можешь рассказать?

– Да, могу. Просто я выросла в деревне, среди животных, у которых были имена. Каждый из них был мне другом, и я разговаривала с ними. Когда я вижу кусок мяса, я автоматически представляю его живым бычком, которому я несла травы, или глупым барашком, которого я с дедом стригла. Правда, у меня совсем не получалось, но я старалась. Даже те же самые куры, они были цыплятами, которых я охраняла от коршунов и ворон. Это мои друзья, а я не тот человек, который стал бы есть своего друга, – разъяснила я ему свою позицию.

– Так, ты заставила меня задуматься. Я даже ничего не могу противопоставить тебе. Вроде бы мог сказать, что нам нужны белки и все прочее, но после таких слов тоже начинаю представлять маленьких зверушек. А как же мнение, что человек выше всех? – покосился он на меня.

– Ой, я тебя умоляю. Давай не будем об этой глупости. Если честно, то я была бы рада, если бы людей истребили и оставили землю такой, какой она была до человека, – прожевав кашу с бананами, сказала я.

– Ладно, здесь я с тобой согласен.

– У нас сегодня день полного согласия? – усмехнулась я. – Что-то новенькое. Вчера мне пришлось отстаивать свое мнение с пеной у рта.

– Ну не всегда же нам враждовать, – засмеялся он и выронил ложку.

– Постучи три раза! – громко выкрикнула я.

– Что, прости? – посмотрел в замешательстве на меня яблочный вор.

– Об пол три раза постучи концом ложки. Примета такая, – разъяснила я с полным ртом каши.

– Так ты у нас и в приметы веришь? – улыбнулся Елизар, постукивая концом ложки о пол.

– Не во все. К тому же месяцы каникул у бабушки дают о себе знать, – сказала я и встала, чтобы налить нам чаю. – Какой чай будешь? Черный, зеленый или травяной?

– А чая в пакетиках у вас нет? – осторожно спросил он.

– Ты что с ума сошел. Ты главное при моей бабушке такой глупости не взболтни. У нас только натуральные, – гордо расправила плечи я.

– Тогда давай черный, – медленно и задумчиво произнес он.

Кажется, кто-то никогда не слышал о домашних чаях, да и вообще о чаях не в пакетиках. Что-то пугают меня эти ребята из Красной Звезды. Скорее всего, они и супы там едят быстрого приготовления. Учитывая то, как он уплетает кашу

с котлетой и фруктами.

За чашечкой чая мы обсудили новости, которые начались по телевизору. Удобно, когда дома два телевизора – один в гостиной, а другой на кухне. Как оказалось, наши мысли снова совпали. Значит, сегодня нам либо не о чем будет говорить, либо наоборот мы не сможем заткнуться. Сначала я не особо поняла, про что говорят в новостях, но когда Елизар объяснил мне всю суть, то я активно включилась в обсуждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.